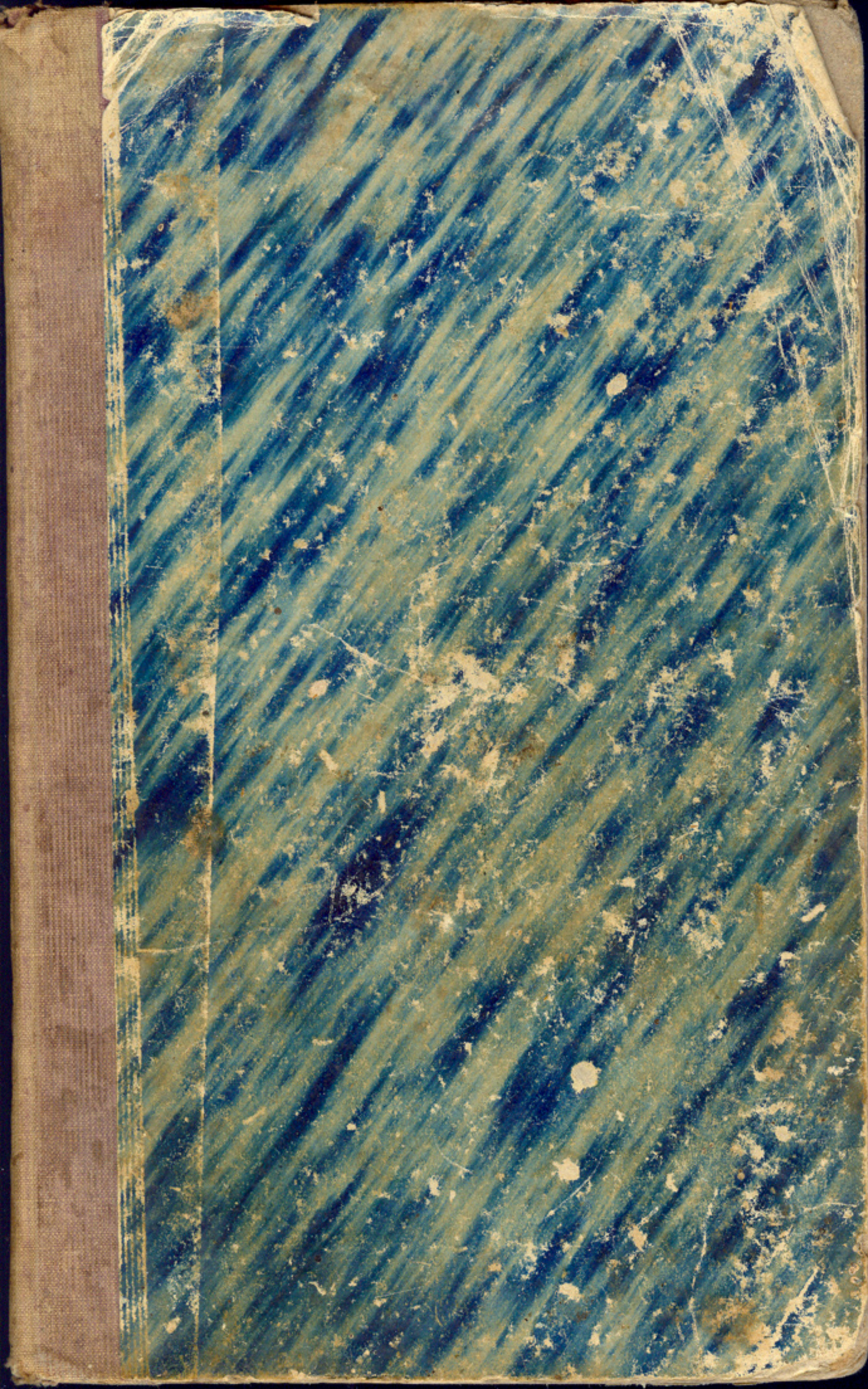

P13 Cp II 1090.1

W. T. L. 1877

Lib. 1877

78 1877

94 1877

44 1877

Wm. L. ...

1888

[Faint purple ink stamp]

1888

[Faint purple ink stamp]

ЗБОГЪ ЛЮБОВИ ПОМИРЕНІЕ

или

СТРОИМИРЪ И ЛЮБИСАВА

Романтическа повѣсть изъ седамнайстога
вѣка на простомъ Сербскомъ Діалекту

с о ч и н ѣ н а

ВЛАДИСЛАВОМЪ ЧИКОШЕМЪ.

Трошкомъ Конст. Каулиціе, избраногъ Гражда-
нима и книгопродавца у Новомъ Саду.

У Б Е Ч У, 25

у Типографіи Конгрегаціє Мехитариста

1833.

319435
REV. Op.

БЛАГОПОЧТЕНОРОДНОМЪ
ГОСПОДАРУ
ІОАННУ ПОЛИТУ,
КУПЦУ И ИЗБРАННОМЪ ГРАЖДАНИНУ
НОВО - САДСКОМЪ
И
ПЕТРУ
МАЛОЛѢТНОМЪ СЫНУ НѢГОВОМЪ ПОСВЕЩУЕ

Сочинитель.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

505 N. 5TH ST. NEW YORK, N. Y.

LIBRARY OF THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

ПОЧИТАЕМЫЙ ГОСПОДАРУ!

Има добродѣтельны душа на овомъ свету: но свака ніе еднакимъ жаромъ свете ове небесне кѣри опоена. Некій добро чини, и помаже слабѣегъ, буди у комъ му драго реду живота, и то простота реѣиће: „башъ е свойски, и изъ свега га сердца помогао, и до„бротворіо му:” но онъ то выше изъ корысти какове, нежели изъ доброжеланія прама онога, коему благодареніе чини, ради. Узмимо примѣръ одъ найпростіи простака: „Е! да му нисамъ марву позайміо, заръ бы могао садъ „тако среѣну, и надежде пуну жетву имати?”

Пакъ ел' му учинію добро, кадъ му пригова-
ра? — Другій, — кои е свесрдно слабіемъ
добро учинію, пакъ се чини и невештъ, радъ
бы да га нитко незна, сматра само онога на-
предакъ, пакъ му се само у себи сердце
смѣе, — чувствуе райску неку радость, серд-
це му весело, благородно оно чувство, да е
ближнѣмъ добро учинію, чини га іоштъ овде
на земљи жителѣмъ и обитателѣмъ небесногъ
рая. Пакъ можели се за нѣгово благородно
мыслеће сердце веѣа гдигодъ награда на
ѣи? — Оваково сердце заиста благороднымъ

наименоватисе може. И ово Вы Почитае-
мый Господару! у Вашимъ Сербскимъ
прсима скривено држите. Редки су Вамъ,
истина да има добродѣтельны: но опетъ не
много, тако као Вы мыслећи душа, редки су
Вамъ данашњи дана парови! У малолѣт-
номъ Вашемъ Сыну видисе, Богъ да Вамъ
сваку радость, кою родитель одъ сына доче-
кати жели, у нѣму доживити допусти! у Ва-
шимъ Сыну види се искра исте добродѣ-
тели, у нѣму ће те на ново оживити. Изъ
тогъ узрока Почитаемый Господару!

усудимъ се првѣй овай, мой іоштъ преѣ-
шнѣи година опытъ, кои е дуго времена у та-
мы лежао, Имену Вашемъ, и Сына Ва-
шега посвѣтити, надаюѣи се, да Вамъ
неугодно быти неѣе. Со тымъ препоручуюѣи-
се остаемъ, свако Вамъ добро желеѣи,
свагда

У Н. Саду 1. Августа 1830.

ко услуги готовъ
Владиславъ Чикошъ.

БЛАГОНАКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЮ!

Пріими ово неколико листа, с' коима самъ се у празднымъ моимъ часовима забавляю, топлomъ надеждомъ свагда питанъ, да ће, кои читати буде, ако не башъ тако много изъ нѣи научити, то опетъ време са задовольствомъ провести моћи, — пріими їй, и у праздны твои часови невинно забависе.

Романъ, рећиће гди кои, развраћава нраве, особыто млады людій, кой сердца, као восакъ на сваку страну, нарочито пакъ у порокъ, лако се савіаю: слѣдователно не само да е неполезанъ, него іоштъ и отровъ за младежь у зубы носи. — Я бы тогъ истога радо замоліо, да ми простодушно каже, ели могао онъ свою двадесету годину достићи, да романа у руцы своіой нѣ видіо, или баремъ одъ други читати га слушао, пакъ ел' се онъ покваріо? — Истина, разлика велики има међу романы: но, да бацymo погледъ на прве на-

ше сосѣде, Немце, труели кодъ нѣи романъ млада сердца? или, судели они тако о нѣима? имаю безъ броя скоро романа, и незадовольни са своима, са Францускогъ, енглескогъ, и прочи странны езыка, гди кои романъ дочепаю, преводе: пакъ кодъ нѣи невидимо развраћены кодъ младежи нрава; незнамъ дакле узрока, зашто бы се Сербска младежь читанѣмъ романа развраћавала.

Овде ћешъ читателю любимый! видити у Сретеновићу, како совѣсть човѣка за зла дѣла гризе, и узнемирава, како му е сваки данъ горакъ, а ноћъ јошть гора, како му е животъ неносанъ, и чешће самой смерти радостно бы подъ тамна крила улетіо. — Кодъ Албанеза искусићешъ, да е у лаже плитко дно, и да човѣкъ съ нѣомъ, а особыто, кадъ јой јошть зла дѣла дода, далеко терати неможе, и ако бы башъ својомъ вештиномъ одъ очію людски, и ума могао и прикрыти: то опетъ промыслъ Божій стане му на путь. — У Апостоловићу наћићешъ, како великодушно свомъ злотвору оно, што се већъ повратити неможе, прашта, како нѣга на ново за пріятеля пріима, кадъ е терпѣливо, и спокойно за дуго време бѣде, и пакости, кое му е завистъ и злоба пледа, поднео, и претр-

пю. — У Любисавы видићешъ, да праву и чисту любовь никаква угроженія, никаква страданія искоренити немогу, и да она, и у найвећимъ гоненіяма, и судбе ударцима, све себи равна остае. — Кодъ Строимира познаћешъ збогъ слабогъ међъ людма искуства поводљивогъ младића, кои е самъ себи, тайне свое добро іоштъ непознатомъ, и притворности пуномъ пріятелю открываюћи, дуго време шкоду наносію, но при свымъ тымъ постояногъ у чистой, и правой любви юношу. — У Миливою наћићешъ праве благодарности, за избавленіе свога живота, примѣръ. и т. д.

У надежды самъ быо, ово ће се едномъ, а оно другомъ, штогодъ може бити и свакомъ, кои ме читати буде, допасти: да се пакъ све узети, свымъ допасти неможе, то напредъ признаемъ; што самъ упознао, да безъ темеля слѣдуюће ніе изреченно:

Debet adhuc nasci ille coquus, qui moverit omnes
Sic condire cibos, sapidi ut sint omnibus aequae,
Треба се іоштъ овогъ света кувару родити,
Кои уме свымъ по вкусу ела сготовити.

Овымъ дакле любимый чичателю! водимъ, у судимсе ову књижицу на светъ издати, не изъ тога узрока, да бы нѣномъ помоћу гордо

што тражіо : но да бы Роду момъ, ако не ползу, то опетъ невинну забаву дао. — Има іѣ стотинама, кои вредніи могли бы се нареѣи Рода сынови, и кои бы Роду свомъ, кои као неѣко детенце поступа, на велику ползу быти могли : но штета, да позиву нѣговомъ уши затвораю! — Пріими усердно благонаклонный читателю! на простомъ езыку кнѣжицу, съ коіомъ ѣешъ невинно, и са задовольствомъ, ако се неварамъ, време провести, и невинно забавитисе. Со тымъ желеѣи ти свако добро остаемъ свагда

У Новомъ Саду 1. Августа 1832.

твой тебе любеѣи

Владиславъ Чикошъ.

На брегу рѣке Мораве, не далеко одъ да-
нашнѣ варошице Карановца, живила е у див-
но одъ саме природе украшеномъ предѣлу
стара, и знатна фаміліа Клонимировића. —
Чести ратови и нападенія Турска у Сербію
такo су сердца ватрени и войнически духова
зажегла; да е свакій младићъ за найвећу сре-
ћу будућегъ живота себи приписивао, кадъ
се оружіемъ, и мачемъ опасати могао; бу-
дући да у ратно време, едно на науке и ху-
дожества ни гледати се ніе можно, друго
пакъ, у то време ретке су се іошть просвѣ-
щенія стопе по Сербіи налазиле.

Случисе седамнайстога вѣка, за времена
владѣнія Леополда I. Великогъ Императора
Аустріе, да Турцы на градъ некій у Сербіи
нападну: но ту имъ лоша срећа буде, истый
градъ са већомъ частію Сербіе припадне цар-
скимъ державама; еръ е станъ нашъ храбы,
и на мейдану добры юнака быо скупштина.
Изъ међу млады людій, кои су се на страны
царскогъ воинства изрядно показивали, нахо-
діосе и Строимиръ. Млогу побѣду одержати

помогао е онъ съ своимъ дрзновеннымъ мужествомъ: среѣа му е при свакомъ кораку наклонѣна была, и онъ задобіе войводе тогдашнѣгъ благонаклоность, свое ради храбрости, у великомъ степену.

Строимиръ нашъ родіосе, како што рекосмо, недалеко одъ Карановца. Отаць му е было еданъ одъ найбогатіи свога времена; но чести нещастія и судьбе ударцы тако су га понизили, да е последњи дана свога живота не выше, но мало неко, кое поготову ништа значило ніе, добарце на Моравы притяжавао. Сынъ нѣговъ было е одъ седамъ година младенаць, кадъ смерть осиромашеногъ оца укрило свое пріими; и будући да никакавъ сродникъ веѣъ выше ніе живіо: то се прихвати старый некій честный служитель управленія малогъ овога добра, и воспитанія младого Строимира. Онъ іоштъ као дете жалостно свое положеніе слабо е осеѣао: што онъ, сматраюћи на свое племе и предце, и на иногдашню дома свога саянность, за велико што роѣенъ, садъ едва толико имѣнія притяжава, да бы среднѣ живити могао — и што нитко поредъ нѣга ніе се налазіо, кси бы га станю нѣговомъ сходно воспитао и изобразіо — и сматраюћи на прво свое состояніе, садъ судьба само заборавность, то едно жалостно, и печално на нѣга бацы жребіе. При свымъ тымъ горкимъ нѣговымъ состоянію, чинила се судьба іоштъ незадовольна, что славу нѣгово-

га дома угаси, и нѣга одъ благости странны людій са свымъ зависимымъ учини. Не дуго по смрти оца прождере и старо ово зданіе, у комъ е Строимиръ живіо, напрасна ватра тако, да е и онъ едва спасенъ быти могао. Садъ таква сирота постане, да ніе са чимъ имао погорелый свой домъ обновити. Една едина, на полъ часа одъ позорища ватре удалъна, башта, была му е садъ цело нѣгово имѣніе: тамо се дакле пресели старый служитель, и Строимиръ у овомъ убогомъ месту тако исто быо е весео, као да бы у онымъ палатама, кое су кадгодъ нѣгови предцы имали, живіо.

Естество е нѣга было украсило: внѣшній тѣла составъ быо му е любведостоянъ, рана іоштъ нѣгова лѣта показивала су таленте, и живость карактера, но нитко не быяше, кои бы прво изобразіо, а слѣдствію другога предупредити могао. Старый служитель, кои му е и воспитатель быо, мыслио е довольно старатисе, кадъ се о томъ трудіо, здравль свога питомца сачувати. Тако достигне Строимиръ свою дванайстугодину, нарасти великъ и якъ; но за ништа понятія ніе имао, само што му е у очи падало, или нѣгова неизображена чувства занимати могло.

При тихомъ вечеру седіо е еданпутъ самъ стараць, размышляваюћи найвыше о сходнымъ Строимира воспитанію. Строимиръ приступи къ старцу, и видећи га яко замышлъна, седне мало далъ спрамъ нѣга у зелену

траву, и бацы очи свое на мѣсець, кои єтекъ почео свою блѣдосветлу главу надъ Оризонтомъ дизати, и крозь гране дрва, подъ коима се Строимиръ одмора ради быо спустію, у зенице му падати; и то га у тако восхищеніе доведе, да скоро ванъ себе „мора іошть што „выше быти,” повикне. — Старый га садъ усмотри, и дозове: „Има, рекне му, іошть „што выше, гледаюћи му у очи, изъ кой є „желя, што ново чути, пламтила, има выше „неко существо, — кое су стари они, и най- „суровіи народи признавали, и слабымъ своимъ „неизображеннымъ разумомъ дотле су до- „шли; да су, сматраюћи на ова сва видима, „заключавали, да има неко выше и веће су- „щество, кое су они по свои езыцы разнымъ „именемъ нарицали, и по неизображеномъ „уму подъ различнымъ видомъ обожавали, и „нѣму служили — има выше неко существо, „кое є све, што видимо сотворило, и кое о „нѣима промышлява, грѣшника дуго трпи, и „очекива на покаянїе, страдаюћегъ непушта „са своимъ пасти, праведногъ люби, и бла- „готвори му. На ово существо Строимире, „кое Богомъ називамо, сву твою надежду у- „прави, нѣму служи, и нѣга веруй, онда ћешъ „овога света срећанъ быти. — Чувайсе свагда „другога увредити, и чини оно другому, што „бы зажелію, да онъ теби учини. У вѣчный жи- „вотъ преселѣногъ твoгa oца млого су неща- „стія и судбе гоненія до самага гроба пра-

„тила, коимъ онъ, како што е целомъ свету по-
 „знато, ни найманъ узрокъ нѣ быо; но други —
 „Владайсе Строимире по примѣру твоего оца, и
 „нѣга свагда за огледало твоѣй дѣйстви, и
 „дѣла себи представи, пакъ веруй ми да ћесе
 „горка та твоя судба, кою може быти іошть
 „тако яко и неосећашъ, накратко са свымъ
 „у пріятный и милый животъ преобуѣи. — Вы-
 „ше си пута одъ мене, овако простогъ и неу-
 „ченогъ „чувайсе да другогъ неувредишъ”
 „чуо, а и ова е иста речъ покойнымъ твоимъ
 „оцу Благою свагда света была: него ты, ка-
 „ко ми се види, слабо на ню мотришъ. Не-
 „врећай децу, съ коіомъ игру проводишъ;
 „ербо ћешъ мрзость нѣовы родителя на себе
 „навуѣи, а тко ти садъ у овымъ бѣднымъ со-
 „стоянію боль помоѣи може, него сосѣди?
 „Зато узми се на умъ, и при свакомъ у игры
 „поступку сетисе на оца, и на ове одъ мене
 „неученогъ казане ти речи.” —

Отаць Строимировъ, кромъ одного бра-
 та никаквогъ сродника нѣ имао; но и са о-
 вымъ е у многотодишнѣмъ непріятельству жи-
 вію. — Стриць овай Строимира много година
 проведе на путешествію, и повратисе у оте-
 ческе предѣле, гди е велика добра, и млога
 богатства имао, коя ели правдомъ, или неправ-
 домъ задобію у напредакъ ће се изяснити.
 Дуго одсутствіе мрзость прама брата, за ко-
 га судбине, и смерть онъ чуо нѣ, утиша и на-
 мысли съ нѣимъ помиритисе; но искуси до-

ста порано, да нѣговъ давно невиѣненный братъ вѣчно одпочива, и да е у бѣдномъ, и жалостномъ убожеству животъ окончао: али, да е сына оставіо, тому се ніе надао. Сретеновићъ (тако се онъ позивао) дође у предъле, гди е братъ нѣговъ обитавао: застане сва добра у руку кодъ туѣина, и оплакаема судба брата тешко, као каменъ, свали му се на сердце. Да е и последнѣ нѣгово добро пламеномъ уничижено, ніе ни мыслио: надао се баремъ малый тай остатакъ несрећногъ свогъ брата у своіой целости затећи. У овой надежды приближи се ко месту ватреногъ позорища, и садъ текъ увиди, како е са свымъ несрећанъ последнѣи дана свогъ живота братъ нѣговъ быо. Лютить и раскаяніемъ преко тако дугогодишнѣ свађе, и непријателства погруженъ, коя му е у путу стояла убогомъ свомъ брату помоћи, и незнаюћи кудъ иде, дође справъ баште, гди га велика вика изъ нѣговы мысли изнѣиня, и пробуди. Обазресе, и упazi гомилу деце, коя се са войническомъ игромъ забавляла. Деца су была на подобіе обкопа градски землю навукла, и на две стране разделѣна: одъ коій е една страна защититель, а друга противоборце исты обкопа представляла. Сретеновићъ, одъ младости войникъ, наслонисе на неко дрво, и са внутреньомъ радост'ю сматрао имъ е игру. Предводитель обседнуты быо е младый Строимиръ: онъ се покуси са своима истрчати, но непријателя на

брою буде выше, и другови Строимира срамотно обрете се у бѣгство: онъ самъ бранѣхисе скочи напоследку у обкопъ, и ополчисе на себе у стремлююћему се непріятелю. Овай учини юришъ, и Строимиръ съ таковымъ се мужествомъ бранію, да у бытки кадкадъ и преко мѣре поступи, и гдикога збогъ яке ране обкопъ оставити примора. Непріятель дакле, безъ надежде нѣга побѣдити, уступи натрагъ: и Строимиръ, бацаюћи се каменѣмъ за нѣма, повикне „а ха! чудни ми юнака, ка-„косе мало окрваву, трчу кући, да имъ ма-„тере смртоносне ране сирѣетомъ напару!”

Како што е Сретеновићъ презирателный погледъ на у бѣгство обраћене бацао: тако исто радоваосе о овимъ младићу, кои, кадъ е свое непріятель одгнао, упаци да е ранѣнъ, и брисаюћи крвь „гле! рече, та и они су ме-„не мало окрзнули” Сретеновићъ буде у намѣренію дѣтићу овимъ приближити се: но угледи старца претућа штапомъ, и псоваюћа на дете трчати „есамъ ли ти ветреняче! казао, да се са децомъ нетучешъ? — А они не были, рекне Строимиръ, я їй нисамъ звао, долазити, да ми градъ отму. — Сретеновићъ приступаюћи старцу: шта е овай дечко, запыта, сгрешію, да му тако яко претите?

Стараць. Сгрешію ніе ништа: али я то немогу трпити.

Сретеновићъ. Та ово е была само дечинска игра.

Старацъ. О да бы и то было! него што-годъ преко мере. Деца сосѣда мой трчу своимъ родительмъ, и тужу се: а я зато бывамъ укоранъ.

Сретен. Но, ту ви имате право; али простодушно признати, она су такво што и заслужила, дала су се одъ еднога побѣдити. — Ово дете има знаке храброга мужа. —

Старацъ. То има, и я се радуемъ; ерѣ е мацъ еданпутъ нѣгово опредѣленіе.

Сретен. Онъ е вашъ сынъ?

Старацъ. Ахъ не — кадъ бы я таковогъ сына имао! — Зове ме истина, оцемъ, я му у неколико и есамъ — естъ Господине! ясамъ овимъ детету све, нѣговъ отацъ, воспитатель, а при свимъ тымъ само — нѣговъ слуга.

Сретен. Шта ви то загонетате?

Старацъ. Ни найманъ. Щастіе овога детета одъ већъ е жалостно, оно е за што високо рођено; а морасе овако бѣдно патити.

Сретен. Тко му е дакле отацъ?

Старацъ. Бю е покойный Благое Клонимировићъ.

Сретен. Шта? — Како?

Старацъ. Ово е нещастный сынъ Благоевъ, онай дворъ тамо, што е ватромъ погорео, бю му е цело нѣгово наслѣдство, но и оно е већъ — садъ му ништа выше не остае само ова убога башта. Овде га воспитавамъ за войническій редъ.

Сретен. Ово дете Благоевъ сынъ, ели можно? а тко сте дакле ви?

Стараць. Јасамъ кодъ староꙗ Благоя слуга быо — али, опростите ми Господине! одавно васъ веѣхъ сматрамъ са удивленіемъ — ахъ! мозакъ ми е одвеѣхъ слабъ, али я примѣчавамъ нешто на Вами — то ми се тако странно нечини — о Боже! ако се неварамъ то сте ви. —

Сретен. То самъ я овога детета стриць, имашъ право.

Стараць. Ахъ милостивый Господине! смилуйтесе на ову малу сироту.

Сретен. То бы я и безъ твое молбе учинію честный старино! среѣа е мене у свое крило узела, и са богатствомъ обдарила, я нить жене, нить детета, нить пріятеля имамъ, овай дечко налази у мени опетъ свогъ покойноꙗ оца: ходи ближе Строи мире! — хоѣшь ли одъ данасъ кодъ мене живити? — Кадъ ме ви, одговори му дете, себи призивате, съ драгомъ вольомъ, гледаюѣи управъ на Сретенѣвиѣа, безъ да куда на страну очи свое бачы; а и сердце му е при првомъ іоштъ погледу быо задобіо. +

Сретенѣвиѣа доѣе съ нѣима у башту, овде се извести о последньимъ судьбама свогъ брата, изліе сузе сожаленія заклинаюѣисе, на детету оно усугубити, што оцу нѣ могао учинити. Примѣти да естество младомъ Строи миру таленте нѣ одрекло, но увѣресе наско-

ро о овы крайномъ пренебреженію; укора опетъ зато старцу ніе могао чинити: зато да бы се пренебреснуто што скоріе надокнадило, сва е о тому садъ нѣгова мысаль была. Старцу за даръ труда поклони башту, и другій данъ съ младымъ Строимиромъ дигнесе на путь: тешко падне Строимиру одъ свогъ пріятеля растатисе: но у детинскомъ лакомыслію на нове предмѣте, кое ѣе зидити, мало се позаборави. Путь узме Сретеновићъ на своя добра, и тамо попечително трудіосе о изображенію сердца, и дарова нашегъ младогъ Строимира. —

Пре него што у нашей повѣсти далъ поступимо, нужно намъ се види быти, неколико речи о карактеру обе ове особе (персоне) навестити. — Сретеновићъ быо е мужъ одъ четрдесетъ и неколико лѣта, братъ Строимировомъ оцу по матери. У младымъ своимъ годинама да га отаць (кои е и самъ войникъ быо) у воине записати, гди се онъ войнической службы са свымъ сердцемъ пожертвуетъ. Изъ детинства у оружію живећи, тиха почувствованія срдца нѣговогъ нису се коснула; онъ е быо суровъ, напроситъ, и навикнутъ оно, што бы пожеліо, силомъ придобити. Као добаръ войникъ свагда е быо похвалънъ; и ступао е све на выше и выше степене чести; но мало е пріятеля имао, будући да е нѣговъ суровый духъ, и лакомысліе прама еданъ путь предузетой ствари свакогъ одъ нѣга од-

враћо, и одбіао. Сердца е при томъ добра
быо, и мало зреліеъ воспитанія у младомъ
свомъ добу требовао е, пріятнымъ човекомъ
постати; будући да внѣшно нѣгово тѣла строе-
ніе, како и владанъ, кадъ е у добрымъ рас-
положенію быо, (кое се управъ кодъ нѣга
редко догађало) любведостойно было. Онъ
у раномъ свомъ времену выше къ веселю
склонъ дружба ніе избѣгавао, и какогодъ,
што су се съ нѣимъ радо обхождавали млади-
ћи; еръ е съ бсгатствомъ своимъ раскоше-
ствовао: тако исто сматрале су га мило у
свомъ округу збогъ внѣшногъ строенія, кадъ
е у добромъ расположенію быо, дѣвице и же-
не. Сретеновићъ дакле у полю любви ніе ду-
го пришлаць остао. — Пре дугогъ времена
угасисе у нѣму склоность къ веселю, почне
избѣгавати дружба, и предасе са свымъ ме-
ланхолиі. Самъ съ собомъ незадоволянъ одре-
кне напоследку военомъ реду, дасе на пу-
тешествія, и съ тымъ незадоволянъ, вратисе
на своя добра.

У дальнымъ земляма тишину сердца, и
совѣсти ніе могао наћи. Усамлѣнъ живіо е на
свомъ добру, млоге е мрачне и горке часове
брояо, гди онъ удалѣнъ одъ людій сасвымъ
гризућей себе жалости и туги предасе: често
е седіо као окаменѣнъ, внутрено Ецанъ и уз-
дысанъ крало му се изъ брижны нѣговы прсію,
задрктао е често као найвећій злочинаць, кадъ
бы му се тко изненада явіо; Млогу ноћъ про-

вео е на својой постелѣи безъ сна, тешка га е свагда жалость узнемиривала, кое узрокъ никому познать нѣ было. Кадъ бы му се мало тай стра, и туга приутишала, и лице бы му се мало разведрило: тражіо е увеселенія, и свагда бы се понайвише прама младогъ свога питомца Строимира благъ, и добаръ показивао. —

Строимиръ е надежды свога благодѣя одговарао, живо е духъ свой изобразіо, и рано се развіе у нѣму карактеръ. Онъ е одъ природе добаръ быо, имао сердце наклонно благимъ чувствованіяма; но, како што намъ искусство каже: съ кимъ се дружимо, одъ онога обычае научавамо, присвои себи нешто мало и суровства одъ свога стрица, кое е онъ нѣму, у свакомъ свомъ поступку видити, прилику давао. Тако дорасти Строимиръ до младѣи, благодари стрицу за свое воспитаніе, и быо бы му изъ свега сердца наклонѣнъ остао, да га стрицъ и сада као дете сматрао нѣ, и съ нѣмъ строго поступао; збогъ когъ узрока мораосе Строимиръ и многогъ увеселенія, кое е по себи, но не по мысли стрица нѣговогъ и невредимо было, укланяти. Доста съ овѣмъ. Строимиръ стиже у свое наиболь године, и Сретеновиѣ почнесе за нѣгово бужде опредѣленіе старати. Ништа му се боль нѣ свидило; сматраюѣи едно на нѣгово подрекло, а друго на даре, него да га у войнике упише, и веѣ су Турцы людство свое

на Сербію напустили были, кадъ Сретеновићъ
найсposобніе време за свога синовца усмотри,
гди бы онъ съ наградомъ стазу ко чести пре-
дузео. Открые му дакле свое намъреніе, и
Строимиръ склонисе съ вольомъ, надаюћисе
тымъ начиномъ надзираніе мрскога стрица,
предъ кимъ честито ни насмеятисе ніе усудіо,
избећи.

Ко одласку у станъ све е было спремль-
но, али како се удиви Строимиръ, кадъ стриць
одно ютро заповеди служителю, да и нъгове
ствари за путъ у редъ стави. Куда сте ви на-
мыслили путовати? Запыта га Строимиръ,
кои е тада у добрымъ расположенію быо. „Ја-
„самъ стварь добро промыслио, одговори му
„стриць, и видіо самъ, да бы за мене кодъ
„куће остати одвећъ зло было. Ја имама мало
„познаты и пріятеля, до садъ си ты кодъ ме-
„не быо, и многій си ми часъ прикратио: садъ
„кадъ ме и ты оставишъ, и у рату веселю се
„предашъ, могу я одъ бриге, и туге овде
„скапати. Доста самъ горки часова имао, ови
„бы ми се у моіой самоћи яко умложили. Ратъ
„ми е у мое младо доба сва радость, и желя
„быо, пакъ зашто садъ да не? Тамоћу я на-
„ћи увеселенія: а, и да ме смерть у ватры
„сгоди, кодъ куће быел' славніе на постельи
„скончао? Башъ да у рату и погинемъ; ты
„ништа немашъ трпити, ясамъ волю мою ско-
„ро већъ изясніо.” — Садъ предузму заедно
путъ, и срећно приспеду у станъ, гди се одъ

свію страна войска скупляла, неситымъ Турцыма противостати. Сретеновићъ съ войво-домъ царскимъ одъ давнашњи времена познатъ, съ радостю дочеканъ буде, и препорука е нѣгова за сыновца найболѣ важила, ерѣ поставлѣнъ буде предводителѣмъ надъ млоги войницы. Овде Сретеновића, у обхожденію са веселымъ людма совѣсть за нѣгова безчеловѣчна дѣла престане тако яко, и горко гристи, и доста е на Строимирова невина увеселенія крозь прсти гледао. Одъ свію страна вооружано се воинство скупляло, и войвода буде у станъ поставлѣнъ предпріятіе свое, и намѣреніе почети: но, будући да яки сраженія ніе се догађало, у толико навести мо-рамо, да Строимиръ мужествомъ своимъ, и храбростію засведочи, достойнымъ себе быти предводителѣмъ себи подчинѣны люди, и да е са стрицемъ своимъ путь себи къ славы и чести отворио. —

Войвода са своимъ людма обколи градъ, но Турцы съ крайнымъ се постоянствомъ бра-нише. Николико су путій юришъ на градъ чинили; но и наймана имъ надежда побѣде изчезну. За то зажели уморенымъ своимъ борцемъ мало одмора, за приправитисе међу тымъ за главно предпріятіе: тишина владала е по ста-ну, но и непріятель улучи ово време себи на ползу, и силе свое подкрепити.

Млогимъ жестокимъ войнику учинисе ово тешко, и збогъ дугогъ времена измышлявали

су свакиѣмъ начиномъ себе забавляти. Сретен-
новићъ и Строимиръ зажеде еданъ данъ ми-
лый овай предѣлъ провидити, и едногъ само
служителя собомъ узевши, оставу, пре него
што зора заплави, станъ, и изиђу у овай ро-
мантический предѣлъ. Будући да їй ништа ко
повратку нїе принуђавало, да имъ нѣина ше-
тня доста милы предмѣта предъ очи ставля-
ла, и Сретеновићъ е, кои е већъ еданпутъ у
овымъ предѣлу быо, много одъ ранїи случае-
ва приповедати знао: то се одъ стана, и не-
знаюћи како, доста поудале и видесе предъ
саму вечеръ у густой шумы, гди они, невни-
маюћи на предузетый путь, незнадоше десно-
ли или лево окренути имъ се треба. Ранїе не-
го обычно простре тамна вечеръ своя по зем-
љи крила, будући да велика буря, коя се на-
прасно роди, густе облаке навуче, и дальній
грома тутанъ предвозвѣщавао имъ е скоро на-
стоећу непогоду времена. Ови се садъ нађу
у чуду, и пожеде, неимаюћи при себи потреб-
ногъ одѣла, што скорїе у станъ се вратити;
зато првый, кои су предъ собомъ путь види-
ли, предузму. Но како се удиве, кадъ примѣ-
ту да су са свымъ свомъ намѣренїю против-
ный путь узели; будући да се и овай све
у гушћой и гушћой шумы изгуби тако, да ни
стазе предъ собомъ нису видели. Међу тымъ
и олуя се тако спустила, да и само густо
шумно лишће путнике наше одъ сильно падаю-
ће кише заклонити нїе могло. Ноћъ е была

мрачна као тесто, само кадъ блистанъ муња целу околину у ватру притвори: громъ за громомъ, лишће одъ кише и ветра шуштало е подобно морскимъ таласима. У овимъ станююшъ їй и та брига нападне, да не бы, будучи да су се одъ стана удалили, у руке непријательске пали, а ни суради были край буръ и ноћи у шуму дочекати. Остане имъ дакле овай еданъ начинъ: узде коньма пустити, и слепомъ се случаю предати, пакъ кудъ Богъ да.

Овако путуюћи за николико запне Строи-мировъ конь, посрне, и заедно съ нѣмъ падне. Ключе се таки подигне, но онъ угане ногомъ тако, да су га оба dvojца дизати морали, и безъ помоћи усправити се нїе могао, кое садъ преко выше бригу заблуђены умложѣ. Докъ се Сретеновићъ, сожаленія пунъ, око синовца бавіо, истрчи служитель крозь густу шуму на некій чотъ, да бы на угаженный путь, или на каквогъ путника нагазіо, кои бы имъ помоћи дати могао. Кадъ се крозь гране провуче, укаже му се изъ далека зракъ свеће крозь шуму: радостно дотрчи на трагъ, и яви имъ свое откровеніе. Сретеновићъ подигне Строимира на коня, уклопи служителю узду у руке, продру крозь шуму оной страны, одъ кудъ су светлостъ опазили; и то їй утѣши, видећи на истомъ месту свећу, даће тамо каквы людїй, и са тымъ помоћи добити моћи. Крао имъ се често зракъ изъ очію одъ части збогъ кривога пута и чотова,

одъ части збогъ густе шумѣ, коя е предъ нѣма лежала. Сретеновићъ свое любопитство задовольити, истерчи напредъ, и спази предъ собомъ у шумѣ на малой лединѣ среднѣ величине неколико домова, изъ коій еднога показивала му се крозь прозоръ свећа. Узме узду у руке и приступаюћи на добро забрављена врата почне лупати. После дугогъ на нѣма лупаня промолесе напоследку човекъ угодина, и съ дрктаюћимъ гласомъ: ко тражи тако доцканъ кодъ мене разговаратисе? запыта уплашенъ: — Отворите, одговори Сретеновићъ странѣма, кои су у овомъ непознатомъ месту заишли. — Стра — странама, рекне Стараць, и у страу подупре јоштъ боль врата. — Но, шта ће то рећи? Викне громовитымъ гласомъ Сретеновићъ, и лупи у врата, да са шаркомъ заедно излете. Стараць, кои у страу неколико се корака одмакао бы приступи садъ наеданпутъ веселымъ лицемъ говорећи: О! опростите ми Господине — я видимъ по вашимъ одѣлу да нисте Турчинъ.

Сретеновићъ. Заиста и нисамъ.

Домаћинъ. Садъ ме савъ стра прође, о! како самъ дрктао — ал' имамъ Господине! доста и узрока — не давно были су Турцы овде, поплънише ме, — о Боже мой! радисе даню ноћу целога живота, да бы се коя крайцара скуцала, пакъ на еданпутъ дође неприятель, и у еданъ часъ смеюћисе, отме и од-

цесе све, што човекъ целога свогъ века са зноемъ и трудомъ криво —

Сретен. Доста, доста! дай, боль, помози.

Домаћинъ. Помоћи тражите? гди е нужна помоћъ ясамъ приправанъ, старый е Гойко радъ помоћи дати — ясамъ се навикнуо —

Сретен. Можели овде мой ранъный спутникъ, нашъ слуга, и конь добро дочекани быти?

Гойко. О najbolj милостивый Господине! о najbolj! — Гойко се разуме госте свое примити и дочекати — по свой прилицы милостивый Господинъ незнаю, да се овде кодъ гостолубивогъ Гойка налазу, кои добре госте радо дочека и прими — я са свакимъ путникомъ изъ свегъ сердца мое мало, што ми е Богъ дао, сиротинъ делимъ, и са чимъ могу, радо послужимъ.

Срстен. Добро, добро послужићешъ и насъ, пакъ ћу ти поштено и платити.

Гойко. О милостивый Господине! я неистемъ. —

Срстен. Добро, добро, дай собу, вечеру преправляй, пакъ кадъ се мало опоравимо можешъ загонетати.

Гойко. По заповести — Хей Ђураћъ о-вамо! конъ прихвати, онъ е милостивый Господине! Ђураћъ е поштень дечко, на нѣга се можете слободно ослонити — я идемъ по

вашой заповести — остан'те у собы — да вечеру — о хо гле мене! штаћеду изволевати?

С р е т е н. Што хоћете, најбрже најбољ.

Међу тымъ приспе и слуга са Строи-
ромъ, Ђураћъ притрчи, и уведе конь у шта-
лу, стараць са свећомъ и служитель уведу
Строимира у собу, гди се онъ, ербо стояти
ніе могао, у просту, но чисту постелю спу-
сти. Слуга видећи да Гойко при свимъ своимъ
хитеню све на еднимъ месту стои, приступи
къ огњишту за ватру наложити помоћи, и
млака вина за Строимира справити; докъ го-
ворљивый Гойко парче леба, и чашу вина за
мало подкрепленіе донесе. Сретеновићъ и
Строимиръ мало се прихвату, и даду време-
на Гойку брбљавымъ своимъ езыкомъ заба-
вляти ій. Непочерпимъ быо е у похвалы свога
дома, да е много гостию дочекивао, и да ій
радо и у напредакъ по свомъ могућству до-
чекати жели. — А ко ти госте дочекуе, рек-
не Сретеновићъ, кадъ видимъ да си самъ?

Г о й к о. О! само кадъ имамъ гостию,
јасамъ радостанъ и весео. Мой Ђураћъ конь
мојй гостию намируе, я се старамъ припра-
вити мало винове лозице, а моя Любисава око
огњишта, и тако сви скупа радимо за удово-
лжити наше госте.

С р с т е н. А ко е та Любисава?

Г о й к о. Ахъ милостивый Господине! то
е дѣвица нѣжна као струкъ босилька, лепа као
ружа, тиха и умилна као —

Сретен. Но, већъ онъ опетъ починъ свое.

Гойко. А ко не бы при таквой дѣвицы? Ко е само види, мора ю любити. Пакъ онда, кадъ е у дружтву како тихо, како добро, како искусно, о! я незнамъ како бы све изговорио — Ви ћете ю видити, пакъ ћете ми све за право дати.

Сретен. Али ко е та дѣвица?

Гойко. Моя кћи.

Сретен. Но пошльте ю дакле овамо, да насъ мало пріятнымъ своимъ разговоромъ забавля.

Гойко. Таки како вечера готова буде, она ће служити.

Сретенѡвићъ, кои никакву опасность на свомъ сыновцу непримѣти, и мало се съ виномъ опорави, буде добро расположенъ и весео, и у краткимъ разговорѹ прође имъ време. Вечера буде готова, кою садъ Любисава унесе. — Гойко е тако много о нѣной похвалы говорио, да су оба два госта едва ю видити дочекали. Уће са вечеромъ Любисава, и свію очи на ню укочене буду, Гойко мыслили су они у себи, преко выше ю хвали: но нѣнъ внѣшній видъ тако е госте придобіо, да старый Сретенѡвићъ принуди и ню и Гойка за трапезу сести. Овде добію прилику не само внѣшнѣ нѣне дражести, смиренность и тихость; него и изображенный умъ нѣнъ испытати, и дивитисе. Строимиръ у нѣномъ присутствію

никакову болю угануте ноге неосети, на разговоръ прочи ніе ни пазіо; но кадъ е Любисава говорила и уши, и очи отвори, ню само слушати. По вечеры, кадъ се Гойко и Любисава одмакну, онда о похвалы ове дѣвице отворусе Сретеновићу уста, нѣговъ разговора предмѣтъ другій ніе быо, но Любисава, докъ му и санъ очи ніе заклопіо.

И Строимиръ заспи; но не дуго: боль поздеѣене ноге пробуди га; но при свымъ своимъ болу чуваосе, да небы ецанѣмъ стрица пробудіо. — Могло е поль ноѣи проѣи, свуда е тишина владала, и Строимиръ лежеѣи, замыслисе брижанъ о своіой раны, кадъ на еданпутъ зазвечи му гласъ арфе у ушима; мелодіа была е умилна, и збогъ нечаяности учини му се, као да бы волшебство какво было, дигнесе мало, и лако упозна да искусна рука на жицама игра: по томъ почне женскій гласъ следуюћу песму, коя се са волшебномъ усоедни арфомъ:

Зашт' ми е любовь дана
Найслаѣе свымъ чувство?

Ахъ то е грдна рана
Што чинишъ естество! —

Нѣга ми мое станъ,
На вѣки отрза!

Будуще жизни дане
Пратиѣ ми суза. —

За нымъ бы мртва ишла
Крозъ воду, крозъ ватру,

У нѣмъ бы свагда нашла
Іа мою утѣху.
Ахъ я бы среѣна была
Нѣговѣ на груди,
Любве бы венце вила
Свакъ смертнѣй да види;
Да б' я безъ нѣга горко
Дне мое плакала:
Време пакъ съ нѣме сладко
Живота провела. — —
На страну иди мысли!
На страну сва радость!
Одъ данасъ ми се числи
Ахъ горка све жалость!!

Дубоко уздысанъ, и горко ецанъ прекиде
іой песму. Строимиръ позна Любисавинъ
гласъ, боль га ране нѣгове проѣ, меланхо-
лическа игра хармонирала е са нѣговымъ чув-
ствованіама, само Любисаве лице представля-
ло му се предъ очима, са свымъ е у ню углу-
блѣнъ быо. — Строимиру у ушима ништа дру-
го звечало нѣе, само любка хармоніа песме и
арфе: санъ га по томъ превлада, и заклопи
му очи; но ни зашто друго, веѣъ да о Люби-
савѣ снива. Како се пробуди, и Сретеновиѣъ
іоштъ у крилу сна уніанъ, Любисава му се
стави предъ очи, онъ почне овако: Многу
самъ женску особу одъ найотмѣнѣи лица ви-
діо, али, природе законе сматраюѣи, ни ед-
на ме тако яко не дирну, као Любисава. Про-
сто нѣно и неизмышлѣно одѣло и обхожденіе,
тихій разговоръ, любка невиность са драже-

сти тѣла, и красно изображенный умъ: словомъ, све на нъой удивленія достойно, кое она прикрыти трудисе, чини е любведостойнїомъ, у нъой сердце мое налази све оно, што е кадгодъ пожелило — ахъ Любисаво! Любисаво! ты си една на свету, на коіой страны я среѣанъ быти могу, савъ ми е светъ безъ тебе само гробница — Шта? — „Нѣга, ми, вели, мое станъ на вѣки отрза, „будуще жизни дане пратиѣе ми су, „за” — ахъ она да плаче! а я бы среѣанъ быо? — она да сузе пролива! я одъ нѣ удалѣнъ да тужимъ? — бистраѣе нѣногъ ока суза мой радости полюбаць сладити — ахъ! „станъ ми га мое на вѣки отрза! — Заръ што самъ я богатства сынъ, а она сирота? — Чисту ти предъ Богомъ любовь заклинѣмъ, ты си ми прва, на твоѣмъ крилу последний мога живота духъ испустити желимъ. Ово говореѣи наслонисе край постель на прозоръ, когъ е рана зора оруменила, и дритуѣомъ рукомъ ове на листиѣу напише речи:

Неугаси любовь праву щастїя премена,
Любве, коя се угаси, навреди имена.

Ево ти твердога завѣта едина могъ сердца Любисаво! — Ово ѣнешъ по мени у постели застати. — Зашт’ да ме разлика станя одъ нѣ растави? Нисмоли Богомъ сви еднаки створенни? Други некъ сматраю, и гледи на виѣшнѣ, глатке и непостояне щастїя разлике,

кодъ мене то ніе — ахъ Любисаво ты моя на вѣки остаешъ! па ты! — Ове последнѣ речи вышшимъ говораше Строимиръ гласомъ, на кое се Сретеновићъ почне миголити, и знаке, да га евећъ санъ оставіо, показивати. — Спремесе по томъ къ путу, и стрицъ знаюћи све, шта е Строимиръ чиніо, на свакій му е поступакъ и коракъ мотріо. Любисава то ютро непоказа се: опростусе дакле са старымъ Гойкомъ, и ускоре, што раніе у станъ стићи. Строимиръ се чешће, докле е годъ домове угледати могао, надпетицомъ коня обадаюћи, осверѣао; кадъ да имъ са свымъ изъ очію милый Строимиру домъ исчезне, окрене се, и яко уздане; на кое съ намргодитымъ лицемъ, и оштрымъ гласомъ „Шта вальда си, „загрми стрицъ, селянки заборавіо написати съ Богомъ? Младићъ се на ово зарумени, и очи у землю обори. —

Путуюћи имъ дакле овако у напредакъ старомъ Сретеновићу ништа се друго по главы вртило ніе само поступакъ Строимировъ прошасте ноћи. „Зло си за себе велико, рекне „му, и падежъ умысліо, самъ себе Строи- „муре гледишъ, и трудишъ се у погибель ба- „цити, отровъ кои іоштъ са свымъ ніе ти сго- „товлѣнъ, силомъ упинѣшсе изпити: но я ћу „се потрудити погибель ту одъ тебе склони- „ти, и удалити. Ниси чуо шта за лепоте Со- „кратъ говори? — Опоминяо е онъ да се, што „выше можемо, лепота укланямо; ербо ніе

„лако, говори, да човекъ, кадъ се лепоте ко-
 „сне страсть свою обузда, и воздержателанъ
 „остане. Шта выше, кадъ некій путь зачу,
 „да е Критобулъ Критона сынъ Алцыбіадовоꝝ
 „сына красна и лепа взоромъ младиѣа полю-
 „біо, совѣтовао му е годину дана путовати;
 „додаваюѣи, даѣесе може быти, тешко и за
 „толико времена одъ те ране излечити. А кадъ
 „бы се ты ове селянке коснуо, шта бы изъ
 „тебе было? Небыли на еданъ путь одъ Го-
 „сподина робъ постао? небыли млога на шкод-
 „ливѣ страсти употребіо? небыл' се на по-
 „следку и на то одважіо, што и безъ мозга
 „човекъ учинити неѣе? — Каква бы после
 „слѣдствія очекивао? угасила бы се у теби и
 „та искра живости, коя текъ тиняти починѣ.
 „Блаженъ онай овога света житель кои стра-
 „сти свое обуздати уме! Среѣанъ овога све-
 „та, кодъ кога разумъ надъ чувствителностію
 „влада! кодъ кога пакъ чувствителность пр-
 „венство занимава, онай е выше безсловест-
 „номъ каковомъ животну, нежели човеку по-
 „добанъ; ербо га на сваке страсти, кое са-
 „мо себи представити може наводи; са тымъ
 „нарушава свое тѣло и здравлѣ, помрачава раз-
 „умъ, кои е у наитесніемъ са тѣломъ союзу.
 „А шта имамо драгоцѣніе преко разума одъ
 „Бога намъ даровано? Нѣимъ найвыше одлу-
 „чіо насъ е Твораць одъ други животны: пакъ
 „кадъ нѣга, у место да му првенство даемо,
 „помрачавамо, можели веѣій и какавъ грѣхъ

„быти? Іа бы то скоро са самоубіствомъ сра-
 „внїо: овай себи смерть на еданъ ма зада;
 „онай пакъ мало помало све се выше гробу,
 „и то са многомъ горестію, и боломъ прими-
 „че, докъ еданъ путь и нѣга неумитна коса
 „смерти необори, и мука, кое е свакій часъ
 „трпити морао, неопрости. Зато Строимире!
 „при тымъ си већъ годинама, да разумомъ
 „чувствителность обуздати можешъ, трудисе
 „нѣму слѣдовати, чини, кое ти здравый разумъ
 „као добро представля, избѣгавай пакъ све,
 „и укланяйсе одъ онога, што е по разуму зло
 „и худо: онда ћу не само я у томъ радость
 „осећати; него и твоїи Старїи быћеду съ то-
 „бомъ задовольни, а твоимъ содругомъ по-
 „стаћешъ мїо и прїятанъ.” Млога му е и вы-
 ше путемъ пребацьвао претећи му, да ћесе
 трудити, то за нѣга опасно место изъ главе
 му избити. —

Приспеду у станъ, гди су їй већъ за из-
 гублѣне држали, и Строимиръ буде лекару
 преданъ, кои се обећа за николико дана са
 свымъ здравымъ га учинити. Међу тымъ по-
 кусесе обседнути при тамной ноћи на непрїя-
 тель свое изтрчати, кое бы заиста и крваво
 было, да нїе Войвода царскїй преко уводе
 еднога цело нїино намѣренїе узнао, и на нїи
 очекивао. Они са великомъ штетомъ у градъ
 натрагъ одбачени буду, и кадъ е отчаянїе
 међъ нїима владало, падне многїй одъ цар-
 ске стране храбрый войникъ, између оны пакъ,

кои су рана достали, было е и Сретеновићъ. Крвавъ донешень буде подъ шаторъ Строи-мировъ, раніосе на десномъ рамену не смертно; но зато опетъ опасно, и лекаръ му се изясни даће на свагда тымъ раменомъ сакать остати. Сретеновићъ, кога рана неспособнымъ за рать учини, пожели мирно остале живота дане на свои добры провести, и остави станъ. Строимиръ, кои е скоро оздравіо, слѣдовати му ніе могао; будући да е текъ на стазу чести, и славе наступіо: зато га стриць къ себи призове и почне: „При полазку моимъ Строи-мире то те опоминѣмъ, да небуду речи мое „безъ свакогъ плода; а да се о томъ несумнямъ, „оставлямъ ти Милутина, не толико послуге „твое ради, колико што ми е веранъ: онъ ће „на сваку твою стопу пазити, и мене о твоимъ „обхожденію известити. По другій путь совѣ- „туемъ те да селянку изъ главе избіешъ; бу- „дући да, ако бы ти све друго, кадъ бы по „закону съ нѣомъ у бракъ хотео ступити, и „допустіо, и на нѣно убожество крозь прсти „гледао; ово немогу, што си са свымъ пле- „меномъ одъ нѣ удалѣнъ, а я трпити нећу да „проста една селянка сная ми се нарече. Ако „бы ты пакъ преко вољъ мое што учиніо, (кое „я никада нежелимъ) то ти садъ накратко ка- „жемъ, да те выше за сыновца никада при- „знао небы. — Да, да, и ово ће ти неиску- „стномъ доста ползовити: клонисе зависти као „найотровніо зміе, я незнамъ можели каква

„страсть опаснѣя за човека слѣдствіа съ собомъ
 „носити? то ти говоримъ искуствомъ научень:
 „видіо си ме чешѣ горко уздысати, читаве
 „ноѣи неспавати, често, кадъ ми странъ кои
 „доѣе, стрепити, и дрктати: а шта е тому уз-
 „рокъ? — Завистъ, и слѣдствіа, коя е собомъ
 „донела. То ти особыто препоручуемъ, чу-
 „вай, да се та страсть у теби неукорени, да
 „после у седымъ твоимъ годинама неморашъ
 „мука, какове я подносимъ, трпити. Прочемъ
 „буди старешинама повинъ, млаѣимъ небуди
 „строгъ, да на тебе незамрзу, а содругомъ
 „буди угоданъ; но здоровомъ разуму, особы-
 „то при последнымъ, понайвыше слѣдуй. За
 „нуждна твоя никакове оскуде неѣшъ трпи-
 „ти, я ти помоѣъ мою никада неодричемъ, са
 „тымъ условіемъ, ако ме худымъ обхожде-
 „ніемъ неогорчишъ.” Обеѣа му по вышепутій
 свою помоѣъ, и остави га у стану. —

Строимиръ садъ самъ себи оставльнъ, —
 дуго време и недѣланіе даду му времена на
 ствари мыслити, кое е онъ себи изъ главе
 избити яко предузео. О Любисавы е и даню
 и ноѣу мысліо, и, не имаюѣи друге заба-
 ве, склоность му къ нѣой до великотъ на-
 расти степена. Истина ове пословице: „Ко о-
 „чимъ озбыльски мысли, о тымъ и говори” до-
 казасе и на Строимиру. — Изъ меѣу млада
 нѣговы другова, быо е и некій Албанезъ,
 младъ човекъ, съ неколико година старіи одъ
 Строимира: но доста е противны судьбе слу-

чаева поднео, и претрпію, кои су га у отечеству нѣговомъ свію свои добра лишили, и у крайномъ убожеству подъ барякъ царскогъ воинства оправили. Но Албанеза карактеръ быо е тай, да е већу часть своіи злочлюченія выше себи, него другомъ, приписати морао. Одъ младости никаковымъ паметнымъ воспитатѣмъ водымъ, на зло е склонъ быо. Млога су му беззаконія на души лежала: и кадъ са отечествомъ и добра изгуби, родисе у нѣму зависть прама свію, кои су выше одъ нѣга притяжавали: око они е лебдію, коій е себи наклоность придобити желію, кое, кадъ бы получію, сматрао ій е, како и све друге люде, само за орудія и средства своій предпріятія; но при свымъ тымъ, тако е вештъ быо свое погрѣшке покрыти, да га е свакій за искреногъ, и правогъ човека признавао, и држао. Кадъ се у войнике дао, и у станъ приспео, примлѣнь буде, и покажесе наскоро своимъ мужествомъ и храбростію, за кое повѣренность войводе, и велику награду добіе. Албанезъ овай особито трудію се пріятельство Строимира задобити: овай, богатогъ имаюћи стрица, помысли у себи, полезанъ ми быти може. Строимиръ, редко одъ люди приваранъ, неупази притворность, и мыслећи да искреніегъ одъ свію нѣму познаты преко Албанеза нема, или быти може, са свымъ се нѣму преда.

У повѣрителномъ разговорѣ седіо е едномъ приликомъ младый нашъ Строимиръ са

притворнымъ своимъ пріятелѣмъ, кои пазеѣи добро на нѣга примѣти, да му туга нека на прсима лежи, и ласканѣмъ своимъ дотле доведега, да овай неискустный младѣи сву тайну свою нѣму у недра изліе. Любисава, рекне му една е на свету, коя бы ми тугу мою и жалость у вечиту радость променила! — Но ево неволѣ, онай кои ме воспита, онай истый стои ми у путу мое среѣе: тешко е то садѣ избрати, дужность ми е нѣму повиноватисе, а сатымъ све веѣе яде, и дублѣ ране самъ себи у прси ударамъ. Забрани ми при своемъ одлазку у напредакъ и видити ю, а шта выше съ нѣомъ говорити, и остави старца Милутина кодъ мене, не за што друго, но кадъ бы се я усудіо къ Любисавы ахъ! на вѣкъ моіой Любисавы, отиѣи, да му яви. — Дволичный Албанезъ помысли у себи, ево за мене прилике, овдеѣу я воду на мою воденицу окренути моѣи, и искушаваюѣи и за найманя обстоятельства залюблѣногъ, рекне му да се небрине, яѣу знати све то за рукомъ кодъ старца довести, пакъ какоѣу я онда миранѣ и спокойнѣ быти, кадъ тебе кодъ Любисаве среѣнога видимъ. Овако говореѣи изиѣе, и о томъ почне мыслити како бы онъ у свое любве мрежу дѣвицу ту заплести могао. —

Любисава сутраданѣ, кадъ су се веѣѣ гости одъ старогъ Гойка отисли, непоказасе у обычно време меѣѣ своимъ другарицама. Нѣима се то нешто странно, и необычно учи-

ни; но іопть нѣново удивленіе вѣѣма нарасти, кадъ на пытанѣ одъ старога Гойка зачую, да е она на уговорено къ своимъ другарицама место отишла. — Потражу: тамо е нема — съ тымъ незадовольне попнусе на близко неко брдащце; да быю, може быти, гдигодъ на полю, гди е обычай имала цвѣѣе брати, угледале. Падне имъ доста подалеко измеѣу зеленогъ шумнога лишѣа при извору нешто у очи, похиту тамо у надежды красну Любисаву поздравити: но яко се превару. Румена іой се руже боя на образы угасила, очи е, одъ плача надувенне, седеѣи при извору, у нѣга укочила, и неосеѣаюѣи другарице свое, кое су веѣѣ близу къ ной дошле, са пунымъ суза очима „такъ, такъ ѣеду очи мое, повикне крозь плачь подобно твомъ теченю о извору! сузе проливати, докъ и животъ, заедно са нѣима, неизліемъ — ахъ горке ране! — Кадъ угледи свое другарице, клон'тесе! рекне имъ, клон'тесе, беж'те ме, кое сте ми до данасъ миле были! беж'те ме, да и васъ неотруемъ! — Овай (на нѣино зактеванѣ, кои е плача узрокъ?) овай, одговори имъ, путь однесе ми тишину, однесе покой, поплени сердце, ахъ живити безъ нѣга немогу! — о горка ли ти е стрела Аморе! — — Кадъ се по томъ другарице нѣне са свымъ о ствари извѣсте, почну іой (мыслѣѣи тымъ мало поутѣшити ю) гордый онай прама Амора поносъ, кога е при преповѣдки бабе Смиляне показивала, прибацывати. Но

све е бадава было : Любисава остаде и после све сама у себе замышлѣна, и неспокойна, тражила е самоѹ, и често бы Гойку, когъ е оцемъ називала на зактеванъ, да му какву юначку песму попева, накратко одговорила : мани ме се отацъ, нѣ ми до песме. —

Албанезъ садъ, како што рекосмо, сва обстоятелства одъ Строимира искуша, и намысли планъ свой и намѣреніе у дѣйство произвести; зато првы дана по онымъ повѣрителнымъ разговору, крадомъ отиснесе безъ Строимира изъ стана къ Любисавы: и Гойко гостолубивъ човекъ будући, выше изъ славолубія, и за свой домъ на гласъ изнети, радо га дочека и пріими. При првомъ погледу залюбисе нашъ, верный Строимиру пріятель, дволичный Албанезъ у Любисаву: но тай паръ о Любови своіой нѣ ни споменуо. Учини и другій путь посѣщеніе, и угодно уллучивши време почне са мегкимъ и ласкательнымъ своимъ гласомъ, као што е свагда кодъ притворны залюблѣны обычай, издалека о своіой къ нѣой любви: но Любисава бистрогъ ума дѣвица, изясни му се простодушно, да она не само нѣга любити небы могла, но да изъ свегъ сердца на нѣга мрзи, придодаваюћи да у нѣномъ сердцу кромъ еднога (кому ако и неможе збогъ велике разликѣ, и одстоянія у племену руку свою дати) нико другій уместитисе неможе. — Ова се яко врца, помисли Албанезъ у себи; но нека: што се риба већма баца, то се све

яче у мрежу заплете — само терпѣнія! доће она за рукомъ: та, кадъ самъ могао што выше, и веће испословати, зашт' небы одну селянку моимъ майсторіама залудіо? 1.) —

Повратисе дакле Албанезъ у станъ, и са притворнымъ сожаленіемъ, сматраюћи свакій данъ тамніегъ Строимира, по другій му се путь закуне, даће све свое силе употребити, и стрица нѣговогъ на соизволеніе, да руку свою Любисавы дати може, принудити. Подкрадусе по томъ одномъ приликомъ очима старца Милутина, и дигнусе заедно у милый Строимиру предѣлъ. Іасамъ, рекне му Албанезъ путемъ, кодъ твое Любисаве было, да видимъ и искусимъ, шта она о теби мысли: любовь самъ іой мою обявльивао, да познамъ, шта говори; но увидіо самъ, да за никогъ на свету немари, нит' чути хоће; макаръ, вели, и да му руку мою збогъ велике раздике подрекла дати немогу. Добро дакле,пусти мене само радити, пакъ ће све добро испасти. О Строимире! то е една лепота, права лепота, о коіой се управо ово казати може: „правой лепоты, ако какво украшеніе додамо, „умалявамо іой любкость; ако пакъ одузмемо „такво, умложавамо іой умилность: она никада „да лепша ніе, негъ кадъ ню саму човекъ

1) Нежелимо овде дабы се младый Србинъ или Србкиня на Албанеза угледали: но да бы, видѣи порокъ, одъ нѣга се удалявали.

„смотра.“ — А и духъ іой е изображень: ясамъ се чудіо да една селянка таква, ꙗко што е она, постати може, о! кадъ е на молбу очину у арфу ударала, Строи мире, мыслио самъ да е каква волшебница. — У таковымъ, и тому подобнымъ, разговору приспеду къ пожеланомъ Строи миру месту. Гойко ій радо дочека, и Любисава, ако е и неспокойна была, видиласе опетъ мало мирнія у дружбы кодъ любимогъ свогъ Строи мира быти: но Албанезу са свымъ се, призираючи и нѣга, и любовь нѣгову странна показивала.

Выше путій по томъ усудисе Строи миръ, кадъ е очима свогъ надзирателя замаѣи могао, къ Любисавы своіой отиѣи: но, премда е пре писмено любовь свою къ нѣой обявіо, ништа манъ прилике недоби, устмено ню уверити. — Намера га еданъ путь — пре него што е сунце светлу свою главу надъ Оризонтомъ было показало, и птице іошть по гранама зелене горе умилне свое песме певаше — намера га намерила была близу ономъ месту, гди су Любисаву првый путь другарице нѣне при извору плачуѣу застале, доѣи. Самъ путуюѣи у себе замышлѣнь и брижанъ, како што свакому у таквымъ случаю бѣва, устрочавао се съ ранымъ тако ютромъ Любисаву и Гойка изненада поздравити; смысли дакле доста подалеко одъ нѣиноваго дома починути, и посадисе край едногъ умилно текуѣегъ поточиѣа на травы, у мысли, докъ ютро неода-

ни, ту причекати. Мало поседи тако замыш-
 лѣнъ, на еданъ путь пробуди га тихій, жу-
 бору оногъ поточиѣа подобный гласъ изъ мы-
 слій нѣговъ: позна по аріи, да е каквога, ко-
 му е Аморъ сладкоотровну свою стрелицу у
 сердце ударіо, песма; и помысли, нисамъ
 самъ на свету, кому ова туга на прсима ле-
 жи, Богъ некъ ти молитву услуша, и туга
 некъ ти се на радость сострадалниче мой пре-
 мени. Ево ти одзива, знай! да самъ нету-
 гуешъ, и почне:

Ладніе е одъ травице
 Кою сузомъ поливамъ,
 Зароблѣно мое сердце,
 Залудъ помоѣъ призивамъ!
 Ербо сва се веѣъ заклела
 Противъ мене природа,
 Нит' ѣу каквогъ я веселя
 Быт' участникъ до гроба.
 Гласъ славуя, кои мене
 До данасъ е оживляо;
 Еръ ми сердце за нѣомъ вене,
 Горакъ ми е постао.
 Среѣнымъ миле песму любве
 Ви певайте птичице,
 Ахъ! немилой власти судьбе
 Садъ подлежи ми сердце.
 Любисава може една
 Печаль мою стопити,
 И мене, садъ безъ нѣ бѣдна,
 Са свымъ среѣногъ створити. —
 Но ты ме садъ Небо тѣши,
 Радость сва ме оставля,

Изъ предъ мене радость бѣжи

И веселѣ одбавля. —

Ладніе е одъ травице

Кою сузомъ поливамъ,

Зароблѣно мое сердце,

Залудъ помоѣхъ призивамъ!

По томъ, кадъ се добро одютри, дигнесе, и негледаюѣи путемъ около себе, приспе на свое опредѣлено место, гди га Гойко по свомъ обычаю радостно дочека. Іа Господине! реѣиѣ му по краткимъ разговору Гойко, проѣо са моіомъ кѣер'ю ютросъ поредъ васъ, и у намеры вами се явити; но будуѣи дасте яко замышлѣни были, замоли ме моя Любисава скоро плачуѣи, да васъ изъ мысли небудимъ. — Опростите ми да васъ морамъ садъ за кратко време оставити — да, да, морамъ трчати, да видимъ шта ми Ђураѣъ чини, а ты діете, рекне Любисавы, забавляй Господина, докъ се я невратимъ, да му се небы дуго време учинило.

Садъ помысли Строимиръ найприличніе време, и дуго на свомъ месту седеѣи, бацы очи на Любисаву, коя е, докъ е старый Гойко съ нѣима быо, гдикою речъ и проговорила была: садъ пакъ умилне очи свое спусти предъ себе на траву, и, као заливена, уѣути. Дркнуѣимъ гласомъ, може быти, рекне Строимиръ, да е вами што противно, да насъ е старый вашъ отаць саме оставіо. — Не Господине! рекне Любисава, нѣе — садъ най-

слађе часове мога живота, кое самъ пережила, или кое љу у будуће живити, осећамъ. Строимиръ клецајућимъ ногама, незнајући себе прибрати, и часъ едно часъ друго говори, прихвати юза руку, на кое се Любисава зарумени; и натрагъ уступи. Ели молимъ васъ мой пріятель штогодъ — ? Албанезъ ели — ?

Любисава. Ахъ Господине! молимъ васъ — та нога му нози добра немысли — црна му душа у груди лежи.

Строимиръ. Любисаво! (прихватајући ю другій путъ за руку) я безъ васъ немогу — горакъ ми е свакій часъ, а јошъ горчи животъ. Учин'те ме најсрећниимъ на свету, дайте ми руку вашу и сердце, ондаћу круну и скиптръ царскій презирати, ондаћу, ахъ! ондаћу царемъ постати.

Люб. (Заценисе одъ плача) Немогу, рекне му, немогу, судбина неопредѣли ми срећномъ за живота постати. — Да леже алпіске горе, како што говору да су високе, међъ нами, чини ми се дабы преко нѣи прешла, и вами у наручїя улетила: да су синѣ морске, и пространне дубљине по средъ насъ, нѣи бы препливала — ахъ! ништа ми небы трудно было: али —

Строим. Само одну, само одну речъ Любисаво!

Люб. Добро самъ прво вече упамтила, ахъ никадъ! никадъ ми се изъ главе избити

неће. — Да васъ у землѣ, гди само зверенѣ
обытава, оправу, радостна бы и певаюћи за
вами ишла. — Ахъ слађеће ми бити на вѣкъ
сузе проливати, него васъ несрећногъ учи-
нити.

Строим. Како, како то судите?

Люб. Јасамъ селянка, јасамъ една сирота,
дозволите ми, (тарући са образа сузе) до-
зволите ми, да вамъ се простодушно испове-
димъ. Ви сте одъ племена Чіяслава Клони-
мовића, кои е много учиніо, кои е темель
цветућегъ кадгодъ нашега царства метуо:
согрешили бы противъ костію, противъ пепе-
ла вашій праоца и дедова, угасили бы име
славне ваше фаміліе, кадъ бы ви, као послед-
њи корень, руку просте едне селянке тра-
жили. Свуда бы данашњи дана укоревани,
свудъ бы презирани были, ви наступате на
стазу славе и чести, я бы вамъ са свымъ ва-
шой срећи на путу стояла. Шта бы вамъ стриць
рекао? шта други? —

Строим. Ахъ Любисаво! стриць ће се
временомъ повратити, ты бы и темель моіой
срећи метула, и ню на найвећій степенъ по-
дигла. — Траюћимъ овимъ нѣинымъ разгово-
ру дође и стараць Гойко, кога у овај паръ
радо видити Строимиръ нѣе зажеліо. Почне
свогъ Ђураћа хвалити како е веранъ и тру-
долюбивъ, како домъ нѣговъ у свачимъ успѣ-
ва, и цвета: само, придода, незнамъ што ми
е детету, одъ некогъ времена све ћути, ту-

жи и чешће уздыше. Протера тако своимъ брблявымъ языкомъ подобру часть дана, и Строимиръ опраштаюћисе, тако се тешко отисне, као да никада выше съ Любисавомъ и Гойкомъ састатисе неће. —

Строимиръ дигнесе одавде и срећно приспе у станъ, пріятель му се нъговъ Албанезъ непоказа. Сутраданъ случисе сраженіе на стънама града, и Строимиръ на найопасніемъ месту поставльнъ буде: но Божіомъ помоћу, и щитомъ нъговымъ заклонѣнъ не само велике ране ніе достао; него іоштъ између првы са своимъ людма у градъ улети, и юначки се покаже тако, да е свакъ живой рекао, „ніе чуда што е одъ племена Чіяслава Клонимировића! — По свршеной бытки призове га Войвода къ себи, и сожаленія пунъ почне: „Благо, „даримъ ти сыне на твоіой Храбрости, за „плакао самъ се выше путій, кадъ самъ те у „найгушћимъ гомилама непріятельскимъ видіо, што самъ те на найопасніе место поставіо, и бояо самъ се да тамо смръть не на „ћешъ; но Божія те десница избави. Благо „ти стрицу, кои се съ тобомъ поносити може! — Жао ми е да тебе одъ данасъ изгуби „ти морамъ, войнически закони то изискую: „него сыне гледай, што брже, тесе изъ стана „уклони. На смръть си быо осућенъ; зато „самъ те на оно место ставіо, да, ако одсу „ћено буде юначки баремъ животъ окончашъ; „него да ти срамотно, као едномъ злочинцу,

„целать съ рамена главу скине. Обтуженъ си
„быо, да си неприятельскій увода постао, да
„се съ нѣима договарашъ, и то се юче осве-
„дочи; будући да се скоро целый данъ у ста-
„ну ниси могао видети. Што брже, то боль
„изъ стана се потайно уклони, и чувайсе одъ
„свакога за неко време, докъ се овай за о
„теби гласъ неуталожи. Садъ ни минута не-
„губи, него укланяйсе.” —

Строимиръ дође садъ подъ шаторъ свой
и незнаюћи, будући да стрицу предъ очи у-
казатисе нѣе смео, куда да иде — а кудъ бы
и знао на другу страну? — него сутраданъ
пре зоре упутисе са своимъ слугама управо
къ своіой Любисавы. — Опази изъ далека на
прагу седећа, и на лакать наслонѣна плачу-
ћа Гойка: шта вамъ е, за пыта га, што тако
горко плачете?

Гойко. О Господине! како небы? узе-
ше, отеше, однесоше ми злотвори и послед-
ню мога живота утѣху.

Строимиръ. Шта е, говор’те брже,
гди е Любисава?

Гойко. Онай данъ, кадъ сте се одъ насъ
отисли, седіо самъ у вече са моимъ дететомъ
тамо на —

Строим. Та брже, брже!

Гойко. Дођоше до онога явора кола
покрывенна, и замоли насъ гласъ изъ кола да
му воде додамо: а я, знате како самъ радъ
свакомъ добро учинити, похитимъ однети му

у овой разбіеной тиквы; но онъ ми рече: За-
клела ме мати, да на путу изъ мушке руке
воде непіемъ. — Кратко ъу вамъ Господине!
каз —

Строим. Та брже, брже, већъ ми неш-
то тешко на сердце пада.

Гойко. Ја натерамъ дете мое, мою Лю-
бисаву да дода, у тай паръ штепаду е, оши-
ну конъ, и тымъ путемъ однесе, ахъ навѣкъ!
однесе ми мою утѣху, мое —

На ове речи ободе Строимиръ коня, и ко-
лико су силе кљосета допустиле, као да бы
летіо, у стремисе указанымъ путемъ: свакогъ,
кога е сусретао, или гди на какво село наба-
сао, распытивао е за кола, како што му е
Гойко описао. Трећій данъ по подне безъ сва-
кога одмора укажу му се на путу доста да-
леко покрывенна кола, обазресе, и слуге о-
бодри, да само сложно, макаръ марва и по-
скапала за њиме иду. Текъ да колма стигне
чуе гласъ „ахъ онъ е! у тай паръ пукне пуш-
„ка, и тане му край ушію прозуи. — Стой не-
„щастный сыне, Загрми Строимиръ, погинуо
„си! Слуге му стану предъ кола, онъ пакъ за-
„вируюћи у кола,, она е! повикне, Любиса-
ва! ахъ мртва! — Штепа край њъ седећегъ за
прси, и извуче га напољ. Бранисе, трзаюћи
свој маць, бранисе! рекне, да негинешъ као
жена.

Онај. Ахъ! та ово е Строимиръ, Строи-
мире!

Строим. Бранисе, казуй, говори ко си?

Онай. Јошть ме непознаешъ? ясамъ Алба — твой пріятель.

Строим. Ха! Зато си се присвукао, зато си се изъ стана отискао, да ми Любисаву украдешъ. Вади мачъ; да пріимишъ вѣрногъ пріятельства награду.

Албанезъ. Шта говоришъ? стани молимъ те, послушай ме.

Строим. Крвь ми ври, трзай! никадъ выше нѣмъ заманути неѣшъ (хоѣе да га прободетъ).

Албанезъ. (Уступи натрагъ) Само одну речъ, пакъ онда —

Строим. Говори! непроговорію.

Албан. Ни си пріимію мое писмо?

Строим. Какво?

Албан. Кадъ самъ изъ стана отишао, дао самъ ти у томъ писму разумети, да я одлазимъ Любисаву одъ табора мало далъ овде, кодъ мой познаты, препоручити: ты пакъ (како што си и учинію) да доѣшъ тамо. Добро, кадъ смоसे састали. Ја идемъ садъ твою стрицу, и мора ѣу га, како му драго было, дотле довести, да свое соизволеніе да, и Любисаву — (ахъ неверуй му! зачуесе изъ кола гласъ).

Строим. Добро, добро, али што си пуцао на мене?

Албан. Опрости, веѣ су еданъ путь нападали на мене злочинцы, изъ далека те

познати нисамъ могао; а я за мой животъ немаримъ, тебе само срећнегъ учинити. — Садъ иди съ ньомъ тамо, забавляйсе кодъ мой познаты докъ я недоћемъ, я ти се обвезуемъ заиста до две неделъ дана радостанъ гласъ донети.

Строим. Добро, ево ти мой конь, за две неделъ дана гласъ да ми донесешъ.

Албанезъ скочи садъ на коня радостанъ, и дигнесе своимъ путемъ. — А ха, кадъ се мало поудали, рекне у себи, већъ е была смерть несите свое вилице отворила, да ме прождере; алъ се вешто измако. Немысли Строимире, докъ ми е главе на рамену, да ћешъ Любисаву као жену свою загрлити. — Познавао е онъ карактеръ старогъ Сретеновића, и садъ е сасвымъ у надежды быо, да ће му и онъ планъ нъговъ за рукомъ довести помоћи. —

Старый Сретеновићъ са свымъ безъ бриге, ништа о свымъ тымъ знаюћи, и на свои добры мирно живећи, науми Строимира кући позвати, и бракомъ са богатомъ однимъ, и благородномъ фаміліомъ скопчати га. Текъ што е онъ то намыслио, и при столу однимъ приликомъ са будущимъ своимъ пріятельмъ о свадьбѣ уговарати почео, улети у собу съ поплашенымъ, и дрктућимъ гласомъ слуга: Станный еданъ милостивый Господине! жели съ вами разговаратисе, гласъ каже, да изъ табора носи: а чулисмо да се пре неко-

лико дана сраженіе случилось, да Богъ да, да добро буде. Сви се садъ око стола смуте. — Некъ уѣ тай странный, рекне Сретеновиѣ, Албанезъ учини свое подвореніе: ели здрава гласоношо наша войска, прво имъ е пытанъ было? — наши су одержали побѣду? запыта благородный, кога е кѣи за столомъ прама нѣга седила. А ели здравъ; упыта Господична младый нашъ Клонимировиѣ? есть, одговори Албанезъ: него молимъ Господине, имао бы вамъ неколико речи насамо казати, я самъ за путомъ. Слободно, слободно, рекне Сретеновиѣ, говор'те шта имате; кадъ ми е Строимиръ здравъ, овай ми Господинъ кѣерь покланя, она ѣе момъ Строимиру награда нѣгове заслуге быти. Господична заруменисе, и бацы очи на землю. — Жао ми е, почне Албанезъ, да васъ морамъ при веселю гласомъ моимъ смутити: Строимиръ после бытке, гди се, признати морамъ, понайболь показа, благодари на службы, и одведе неку, близу кодъ стана селянку, мыслимъ да ѣе те ю знати, именемъ Любисаву. — Шта? плѣснесе рукомъ по колену Сретеновиѣ, а зашто самъ оногъ маторогъ дедака кодъ нѣга оставіо, кудъ е? гди е? говорите! у ярости запыта Сретеновиѣ. — Не знамъ, одговори Албанезъ, отискаосе съ нѣомъ у светъ. — Ето ми мое радости! са свымъ гнѣванъ рекне Сретеновиѣ, наѣиѣу я тебе, хоѣу те научити како се селянке краду! — Немойтесе Го-

сподине лютити, рекне благородный, онъ е
іоштъ младъ и Зеленъ, а селянке, знате как-
ве су - морала га е кучка обчинити: Знаду оне
окретати лончиѣ (као што гдикое и одъ на-
шега реда уму) пакъ га е морала залудити
тако, да веѣъ и найманъ чувство чести и сра-
ма изгуби; пакъ е заслепио. Мы остаемо за-
то опетъ добри пріятельи, кадъ намъ судба
недопушта сродницима постати. Гнѣвъ бацы-
те на страну, не мойтесе единца одрицати,
распиш'те по странама, може быти да се іоштъ
ніе венчао: Зов'те га дома пакъ ѣу му и я
овако старъ (мало изъ подсмева) у сватовы
поиграти, онда ѣе те се моѣи поносити, да-
сте за снаю просту одну селянку добили. —
Тако, тако, рекне Господична, а я ѣу вамъ
Господине снаи енѣбула 1) быти.

На ове речи скочи као опаренъ нашъ Сре-
теновиѣ са столице, улети у другу собу, и
затвори се. О шта самъ дочекао! толи е она
моя сладка надежда, да се у моимъ седымъ
годинама и деца самномъ титраю? О діете,
діете никадъ ти опростити немогу. Тако лю-
титъ проведе доста дуго времена самъ у со-
бы, докъ му се и гости неразиѣу. — Дай! ка-
мо га, ко бы ми садъ совѣта дао? Миленко
повикне на слугу, гди е тай странный? некъ
уѣе. Албанезъ буде уведенъ: посадитесе,

1) У толико називаю у дольнымъ Срему ону де-
войку, коя другарицу свою на венчанъ прати.

рекне му Сретеновићъ, кадъ се мало одъ ярости поутиша, седите, каж'те ми шта тай ветрениакъ учини. Онъ ню милостивый Господине! као што ми отаць девојке каже, выше са силомъ, него што бы она волю имала одведе: Гойко вели, да е за помоћъ викао; но онъ ошине конъ и, — она е врштала; али, люди у полю будући, нико іой на помоћъ не дође.

Сретеновићъ. Говор'те, ако што знате, шта да чинимъ?

Албанезъ. Ја мыслимъ да се іоштъ помоћи може, послушайте ме милостивый Господине! я самъ у ту исту девојку смертно залюбльнъ, а и она е мени наклонъна. Набасао самъ имъ мало на трагъ, онъ се може быти іоштъ ніе съ нбомъ венчао, дайте ми писмо на вашегъ сыновца у коимъ га дома позивате; онъ ће морати. —

Сретен. Даћу и писмо на свако общество, и ту вамъ власть покланямъ; да га подъ стражомъ, ако своевольно nebude ишао, къ мени допратите, ево вамъ и новца на путъ, ако ми се обвезуете садъ у овомъ случаю помоћи.

Албан. Хоћу Господине! али како ћу у напредакъ живити, я самъ сиромѧ.

Сретен. Ја ћу вамъ годишнъ оцекомъ сумму новаца давати: само гледайте што брже, да намъ за рукомъ посао изиђе.

Албан. Ја самъ за две неделъ опетъ

кодъ васъ, и то са радостнымъ, и за васъ, и за мене, гласомъ. — Стараць му садъ по своіой речи све на путь справи, и Албанезъ дигнесе сутраданъ пре зоре съ пуномъ кесомъ. —

Кадъ се Албанезъ одъ Строимира и Любисаве къ старомъ Сретеновићу већъ отискао быо, кренесе и Строимиръ у нѣму одъ Албанеза казано село. Любисава одъ стра была е у несвестицу пала, кадъ е Строимиръ ню за мртву држао. Свакій е могућный начинъ употребљавао Любисаву къ себи довести; но, после несвестице падне у болестъ, коя се одъ дана на данъ све већма и већма; будући да искусногъ лекара у томъ селу наѣсѣ не могло, умложавала. Болестъ до найвећегъ степена достигне, — Строимиръ почне отчаявати, и никудъ одъ постель неустрањујућисе мокрымъ непрестанно окомъ гледао е, гди му свакій часъ сва нѣгова срећа, сва надежда хоће да изчесне, и да се угаси. Ахъ неће! заплачесе, неће Любисава другачіе, него као моя по закону супруга умрети. — Пошлъ по томъ едногъ одъ слугу по местнога свештенника, кои му на прву нѣгову молбу желю испуни, и венча ій. Любисава траюћимъ венчаню полумртвымъ проговори гласомъ: я самъ Строимире у раку већъ корачила, моя ће ти сенка место мене при свакимъ кораку верно слѣдовати! Спустисе по томъ у постелю, Строимиръ заценисе одъ плача, и држаюћи ю за

руку, поведи! поведи и мене, рекне, комъ ништа на свету овомъ неостае! — Свештеникъ, честногъ и поштеногъ сердца човекъ, при овой сцени самъ се заплаче: известисе о целой ствари, и, Христїянску имаюћи душу, прибави изъ сосѣдне варошице искуснїегъ лекара, кои се обеѣа рѣаво то станъ за кратко време побольшати. Онъ е све свое силе употребію, и заиста за кратко време успѣ, и Любисава почне знаке свога укрѣпленія показивати.

Редко е досадъ гдикою речъ проговарала, само бы чешѣ горко уздысала, кадъ бы погледъ на плачуѣгъ, кои се одъ нѣ никадъ одмицао нїе, Строимира бацыла. Садъ почне се радїе разговарити, и Строимиръ почне іой будущегъ радостнога живота полъ отворати, и надеждомъ іой ласкати. Албанеза самъ (о томъ ништа Любисава нїе се ни надала) рекне іой, къ стрицу послао, онъ е доста вештъ, склониѣ га на соизволенїе: пакъ ѣмо онда на врѣу нашегъ щастїя быти. — О! шта говоришь? рекне Любисава, іоштъ ниси Албанеза познао? я незнамъ можемоли горегъ и црнѣгъ непрїателя имати? све што ради, све е на твою погибель радїю, ради, и радиѣ. Кадъ ме е одъ оца отео, каже ми, да си ты збогъ неке погрешке на смерть осуѣенъ, и даѣешь срамотно главу изгубити; а я мыслимъ да е то све нѣгово масло было. О! шта ми нїе за тебе она два дана брбляо? али као

годъ да ми е ко казао, ништа му нисамъ веровала. — Немой то мыслити, одговори іой Строимиръ, све е онъ то за мене чиніо: Кушао те е, да види ниси ли спрамъ мене ладнокрвна. — Данъ на данъ Любисава се придигне са свымъ, и лекаръ забрани имъ на нѣино исканъ за кратко іоштъ време путовати.

По истеченію овога времена благодаре лекару и свештенику, опростусе съ нѣима, и науму путь ближе къ добрама стрица; будући да Албанезъ іоштъ недолази, предузети. Одъ слугу само двоицу задржи Строимиръ, проче одпусти; еръ съ трошкомъ на край излазити нѣ могао. — По дугимъ путованю еданъ данъ после подне дигну се изъ еднога села, у надежды до мрака у друго приспѣти моћи: но яко се превару; Заиђу у густе горе незнаюћи правога пута, и скоро ій већъ и сутонъ ухвати. Строимиръ истрчи на едно брдашце, изъ далека предъ собомъ угледи съ прама вечернѣгъ сунца нешто блистатисе. Вратисе къ нѣима на трагъ, и ободри ій само брже у напредакъ поћи; предъ нама намъ, вели, стои нека варошица, упазіо самъ куле. Пожуресе ко оной страны: но у место кула укажу имъ се зидине разрушеногъ одъ непріятеля градића. Већъ е данъ къ ноћи быо клоуо, и црнисе облацы одъ запада почну подизати, не ради дакле ноћъ и буйну кишу, кою су предвидили подъ ведрымъ небомъ дочекати, и провести, заключу, ако су и видели да

е опасно, подъ зидинама ту ноћъ мало заклонитисе.

Слуге притераю кола ближе, пусте конь на траву, коя е одвећъ ту избылна находиласе; будући да е нико косіо ніе: Строимиръ међу тымъ уђе у зидине прогледати, едали бы гди какову собицу, гди бы се одъ кише заклонити могли, нашао. Наиђе на другомъ краю развальногъ зданія на доста прилично покрывенну, но иначе, гди су прозори были, са свымъ разрушенну собу, и овде му се найсгодніе свиди. Заповеди слугама тереть съ кола тамо унети, и будући да су по трагу у травы познати могли, да зданіе ово свагда само ніе; заключу кола и конь на улицы оставити, они пакъ у собы за свакій се случай приправити, и умысле ту ноћъ, сигурности свое ради, ока незатворити. Буря започне беснити, запушу пукотине колико су могли; да имъ са свымъ киша не набія. Любисава одъ дугогъ пута, на когъ се ніе навикла, а и после болести іоштъ слаба, уморена яко, заспи: ньи троица пакъ све еднако на опрезу. Кадъ се буря утиша и влашићи могли су доста велику заплаву на небу измерити, чую доле на улицы одну, и другу, и трећу пушку. Сложно само, рекне Строимиръ, будите при себи, небойтесе, чините што ћу и я. — За Бога помоћи! За звечи крозь зидине гласъ, и мал' кога живогъ? — Упазе по томъ управъ къ нѣма гологлавогъ, и са голымъ у

руцы мачемъ трчу҃егъ човека. Стой, проде-
ресе Строимиръ, ни корака выше! ил' нешъ
погинути. Странный спусти свой мачъ, нисамъ
непріятель, помоз'те! мало ме неубише пу-
стаіе. Познаемъ те по одѣлу, рекне Строи-
миръ, да си непріятельскій войникъ: но сва-
когъ непріятеля по особъ сматрамъ као чо-
века честногъ, као брата по Богу; кадъ по-
мо҃ћи тражишъ, ходи! пакъ ћемосе противъ
њи заедно бранити. На то се устрему до де-
сетъ све грдне величине люде трагомъ стран-
нога, сви са голы у руцы ножевы; но Строи-
миръ надаю҃хисе іоштъ съ вечера томъ кола-
чу, и са свымъ у преправности, не далъ, по-
викне, погину҃хете! ови на то іоштъ брже по-
лете: Строимиръ са слугама опали, и на е-
данъ ма троицу оборе; прочи се раздражу
іоштъ ве҃ма, и као слепи полете къ нѣма.
Любисава врисне кадъ странногъ у собы ви-
ди, и полумртва падне на землю. Но Строи-
миръ да ватру и другій путь, и двоицу са
земљомъ сравну. „А я ћу тебе, викне стран-
ный, залетаю҃хисе на еднога, кои се близу
врата докотурао быо, и тако га вешто лупи
по звезды, да му е главу на поле расцепіо.
Проче пустаіе на҃хусе у запары, окрену пле-
ћа, и кудъ е кои брже могао, разбе҃гнусе.

Но садъ смо мирніи, скоро ће намъ и
зора заплавити, рекне Строимиръ, кадъ е
Любисава къ себи дошла и увѣриласе, да о-
най странный ніе никакавъ зао човекъ. Али

кои васъ, упыта Строимиръ странного, случай овамо, и башъ на ову собу нанесе? Ви се по вашимъ одѣлу видите изъ далеке земль быти. — Іа самъ изъ Етоліе, по имену зовемсе Миливой. — Миливой? Са удивленіемъ запыта Любисава, та тое Сербско име. — Есть! тымъ ме именовъ првый путь назва мой воспитатель. Іа самъ у овомъ предѣлу ратовао, место ми е ово довольно познато: видіо самъ на улицы кола, и знаюћи да у целымъ овымъ зданію никакве боль себе нема; зато самъ управъ овамо и бегао, кадъ ме пустаіе нападоше. По дугимъ тако разговору кажесе Строимиръ, да стрица по имену Сретеновића има, и да е садъ у намъренію къ нему путовати. — Ала да чудне прилике! рекну слуге изъ међу себе, сматраюћи ово на Любисаву, ово на Миливою, башъ као да си одну ябуку преполовіо, може ли наличніи братъ и сестра быти? —

Кадъ се са свымъ расване Строимиръ, любопытство свое задовольити, узмесе са страннымъ да цело то зданіе провиде. Прођу крозъ выше соба, и Строимиръ, све напредъ поступаюћи крозъ развалине, доста се далеко измакне, Миливой заостане сматраюћи остатке ватромъ погоренны старина (Alterthümer), чуе звуку мачева, и потрчи на полъ, опази єдногъ, мало даль и другога слугу, гди се у крви валяю, полети на улицу, и види у крилу непознатого на свомъ коню вриштућу

Любисаву. Стани! продересе Миливой, кудъ си насрнуо, и залети се са потргнутымъ ма-чемъ на нѣга: у истый паръ потегне овай изъ кубуре пиштоль, и одапне. Ахъ! та моимъ, последню речъ изусти Миливой, погибо оловомъ, и свалисе у траву. — Тако, тако ти траба одговори му овай, сврши, пріими награду за пріятельство, узми последный даръ одъ твогъ пріятеля Албанеза! скапай! уничижителю свію мой надежда, и среће. —

Садъ Албанезъ видіо се на найвышшимъ степену свое среће, я ѣу, мысліо е онъ у себи, макаръ да самъ га и собственномъ рукомъ убіо, кодъ стрица му све лажливо преповедити. Казаѣу да су га зли люди у путу напали, пакъ са тымъ самъ се опрао. — (А шта ќесе теби догодити жалостный сыне! о томъ и немыслишь?) Приспѣ тако до онога места, гди е своя кола оставіо; будући да е начуо, да ће Строимиръ ту ноћъ подъ онымъ развалинама са Любисавомъ провести; и зато се самъ отискао быо, каквомъ буди преваромъ ню одъ нѣга украсти. — Дигнесе садъ Албанезъ са свои служители, и са добрымъ за себе по своіой памети ловомъ, управо къ старомъ Сретеновиѣу. Свакій е начинъ употребляо Любисаву утѣшити: да си кодъ Строимира остала, рекне іой, небы на свету одъ васъ двое несрећни створеня было, стрицъ га е са свымъ одъ наслѣдства изключіо, есиль то знала? могла бы съ нымъ заедно одъ се-

ла до села, одъ куће до куће, просити ићи, пакъ
какавъ бы вамъ то животъ быо? Болъ е за нѣга
некъ тамо у оной травы труне; ербо знамъ
да бы и онай часъ, кадъ бы се съ тобомъ вен-
чао, проklinяо. А мы ѿемо Любисаво — о све
бы ми на свету безъ тебе пусто! све бы ми
црно предъ очима было! ахъ Любисаво! — мы
ѿемо среѣни быти, годишню плату пріимаѿе-
мо одъ старогъ Сретеновића, то ми е веѣъ
обећао: само то едно Любисаво! простодуш-
но ми кажи, имали моимъ имену места у твоѣмъ
сердцу? ахъ! любили ме Любисаво, про-
сто ми кажи? — Любисава коя до садъ ни реч-
це проговорила нѣ горко уздане, и проліе
преко мокрога лица потокъ суза изъ очію:
како бы оногъ любити могла, кои ми е ножъ
крозь сердце пробіо? пре бы свакомъ опро-
стила, него теби, кои си се съ поля пріятель
Строимиру, ахъ никада заборавльномъ момъ
Строимиру! показивао, а изнутра си му най-
веѣій злотворъ быо, докъ га и на онай светъ
неоправи. Садъ самъ ти у власти, али опетъ
зато немашъ места у сердцу момъ, немогу
те любити. Албанезъ на ове речи почне іой у-
грожавати, до краткогъ времена мораѿешъ
се ты, претуѣи іой, ако не своевольно; то
силомъ на мою любовь склонити. — Повиче
по томъ на слуге да брже тераю, да што ра-
ніе у село приспѣду. Но непушта Богъ смерт-
нога са свымъ у погибель пасти; ако и наба-
цуе на нѣга често и велика искушенія! — Мо-

гли су іоштъ полъ часа путовати, докъ ненаи-
ћу у шуми на тесанъ некій путь: Овде ће
быти штогодъ, само сложно! зачуу
изъ шуме гласъ, за тилый часъ кола обседну,
и Албанезъ да не бы се каквогъ вреда Люби-
савы учинило, скочи изъ кола, и у крайномъ
отчаянію дупи себи найближегъ, и са земљомъ
га сравни. Садъ нападну други оштріена нѣ-
га, слуге му полете на помоћъ, и тако кош-
каюћисе, одмакнусе одъ кола. Любисива, у
какой е опасности садъ и была, прибересе
мало, скочи съ кола, и зажмури у шуму: пакъ
нако му драго было. Водемъ, помысли у се-
би, да ме и зверень у овой пустой шуми раз-
тргне, него да гнусномъ Албанезу опетъ у
руке паднемъ. Садъ крозь густу, себи са
свымъ непознату, шуму бегаюћи, мыслила е
да се доста далеко одъ бойногъ позорища у-
далила: но свесе ближе, унаоколо блудећи,
нѣму примицала тако, да е на последку и
гласъ зачула: овай башъ као слепъ насрташе
на насъ; аль ено му! можесе іоштъ кратко
време у своіой крви валяти, пакъ онда ће на
онай светъ путовати, айде да видимо шта има
у колы. — Гле! премећаюћи по колы, повик-
не еданъ, та има и новца, нисмосе бадава о-
крвавили! Забавесе за неко време око кола,
по томъ окрену, и своимъ путемъ. — Люби-
сава, коя за то време одъ стра ни дысати ніе
се усудила; да ю како злочинцы небы усмо-
трили: садъ се мало разблажи; но новый е на-

падне стра, кадъ веѣхъ сунце главу свою поче обарати, и тамна ноѣхъ са црномъ своіомъ одержомъ на землю се спуштати. Ласно е могла заключити, да е оно Албанезъ быо, за кога су говорили: и то е опетъ мало утѣшило, да се онога крвника на векъ опрости. — Ето како намъ искренній Строимиру пріятель са свомъ своіомъ лукавштиномъ и вештиномъ оконча!

Да се повратимо садъ у оне развалине, у којима смо Строимира, све напредъ ступаюћа, оставили. Онъ чуюћи пушку као бесомучанъ протрчи крозъ развалине, и викаюћи Любисаву наиђе на у крви оближеногъ служителя, кои едва Алба — Албанезъ проговори, и издане. — Ето! горко повикне Строимиръ, спасо му животъ, да ми Любисаву украде. Онъ е мысліо да е Миливой одъ Албанеза подкупльнъ быо, Любисаву одъ нѣга отве-сти. — Трчући после, и незнаюћи куда, про-лети и поредъ у травы лежећегъ Миливой, предузме одну стазицу, и нѣомъ блудећи тако се удали, да непріятельскимъ чета-ма у руке падне, и одъ многогъ умора, не-могући се бранити, предасе: ови га садъ у робль; судећи по одѣлу, да мора кодъ Србаля каква поглавица бити, одведу. Кадъ га свомъ поглавару придаду „Ха, продересе на нѣга „поглаваръ, башъ као да самъ по нѣга пору-„чио, овай таки да се у Етолію оправи, и у „найдубль тамнице бацы, добро да се чува;

„ербо ђе свію стражара, ако се измакне, гла-
„ве коштати: яђу му, докѡ се мирѡ учини,
„знати судити.” Строимирѡ по заповести бу-
де оправльнѡ, и падне іоштѡ горему тирану
у руке, кои несамо да га е у најгоре тамни-
це баціо, него умысли после краткоѡ вре-
мена и гладомѡ уморити га: кое бы заиста и
учиніо, да се милостивѡ некій служитель ту
кодѡ сужныніе находіо, кои му е, дознаваю-
ђи нѡгову невиность крадомѡ ела додавао. —
Поглаварѡ овай непріятельскій на Строимира
зато се огорчіо быо, што онѡ сына нѡгового у
последнѡмѡ, гди се добро быо показао, сра-
шенію обезглави: но Божіимѡ промысломѡ,
кои невиннога храни, стварѡ се сасвымѡ дру-
гачіе окрене. ✕

Миливой, кадѡ е Албанезѡ на нѡга пу-
као быо, яко се у прси рани, и не знаюђи за
себе, свалисе у траву. По дугимѡ времену
прибересе мало, и осети себе толико снаж-
ногѡ, да ходити може: у путисе оной стра-
ны, гди е Строимира оставіо, тражити га.
Викао га е по имену: но ништа, само одзивѡ
свое речи могао е чути. Тумараюђи овамо о-
намо по развалинама, набаса случайно на е-
данѡ подземный каналѡ: може быти, да ђу
га овде нађи, помысли у себи, и све кана-
ломѡ напредѡ, докѡ напоследку изѡ канала
неукаже му се пріятна нека долина: извуче-
се на полѡ, и пође кѡ колебы, кою е на сре-
ды те долине угледао. Старина некій, кои

предъ колебомъ седећи яко у кнѣигу, кою е у руцы држао, углубльнъ изъ далека га и не примѣти. Миливой све ближе къ нѣму ходећи, да га изненада небы поплашіо, накашльсе: стараць се тргне, ко си, рекне му, и овде ми ел' покоя недашъ? — Миливой застане: нисамъ те старино! одговори му, покоя дошао лишити. Стараць погледи га одъ пете до ушію мрско — већъ има, почне по томъ, скоро двадесетъ година, како овде тихо и задовольно живимъ, нико ме ненападствова, но ты ме садъ узнемири: говори ко си? шта-ћешъ? есил' дошао као пріятель, или као неприятель къ мени?

Миливой. Пре одъ тебе помоћи моли-ти, нежели те узнемиривати.

Стараць (мерећи га по другій путъ). Помоћи' моли ти? — Ты си непознаты човече, као што ми се види, крвавъ? — Иди у колебу, одморисе мало, докъ я мое послове свршимъ.

Миливой уђе у колебу, стараць отисне се мало даль подъ неку ружомъ обрастлу сеницу. Миливой, у место у колебы наслонитисе, сматрао е непрестанно старца, кои се подъ сеницомъ быо посадіо, и често очи одъ суза брисао. По доста дугимъ подъ сеницомъ седеню вратисе къ колебы, и обвіаюћи Миливою рану, ни речце непроговори. Садъ можешъ мало момче! кадъ му е већъ мелемъ на рану привезао, рекне му, одпочинути,

ништа се немой плашити, я идемъ за ужину штогодъ преправити. — Кадъ се стараць мало одъ нѣга устрани; шта то мора быти, помысли самъ у себи, да ми се тако яко овай непознатый сердца коснуо? Може быти за то, што самъ се одъ людѣй уклоніо, што тако дуго време съ людма несастадо се? — ахъ не! нѣ то — сердце ми не да тако што мыслити, ту мора што выше быти, кое умъ мой постићи неможе. — Гле! како помыслимъ на нѣга, сердце ми одъ радости заигра — Ха! то не быти оно чувство, што у човеку задовольство, и радость неку пробуди, кадъ ближньому добро учини: — не! — никада, не! овде тайна нека лежати мора. —

Вратисе после тога колебы, и Миливой, кому е подъ мелемомъ рана мало одлакшала, на чистой постелѣи лежећи, тврдо заспи. Стараць, видећи га спавати, и не хотећи га будити, дотле га е сматрао, и около нѣга шушкао, докъ на еданъ путъ напрасно изъ сна Миливой се нетргне. У хитрымъ изненада движенію испадне му нешто изъ недара, стараць подигне са земль и гледаюћи: Ахъ Боже! заплачесе, каква е ово тайна? — Молимъ васъ старино! проговори Миливой, немойте ми то едно, то ми е цело мое имѣніе, немойте ми га одузети. — Стараць сматраюћи далъ, ахъ чудногъ подобія! — или ме очивараю? — та где пише „Милица“ ахъ несрећна моя супруга! — одъ куда вамъ ова

иконица? — Ню ми е, одговори Миливой, воспитатель мой при полазку у рать око врата обесио, и зоклео ме е чуватию као зеницу ока до последнѣгъ часа живота мога: никомъ не-показа, ето несрећомъ испаде предъ васъ, и ви чини ми се, да ћете ю одъ мене одузети. — Ко вамъ е воспитатель, запыта старый, и како се зовете? — Ја самъ, одговори му Миливой, у Етолиі одрастио, и воспитагелъ мой премда Сербинъ нѣ бѣо, даде ми Сербско име, Миливой — Миливой? узверанъ, запыта стараць, покажи ми десно раме, ахъ ты си мой сынъ! покажи! ма таки издануо. Миливой покаже раме, на комъ е белега была. Стараць изванъ себе: приступи! ходи! силе ми недопуштаю съ места дигнутисе, ходи на родителъске прси! да осетишъ како е сладко родителъско име, да искусишъ, кое намъ е горка судба забранила, како е сладко родителя загрлити. При овой сцены пролію сузе радости. не знајући еданъ другогъ штаће запытати, или ако е кои и запытао, питанъ му е безъ одговора остало. — Кадъ къ себи дођу запыта Апостоловићъ (тако се стараць позивао) кажи ми сыне! кое те судбе у Етолию одведоше, како ли овамо дође? — Ништа ти отаць, одговори му Миливой извѣстно не-знамъ; само ми толико воспитатель мой, когъ самъ и за оца држао при полазку у рать, на! да се праве матере опоменешъ, рече, ясамъ те нејакогъ јоштъ са свымъ крвљу обливеногъ

у травы нашао, распытивао самъ ти за родителей: но нигди ѿ ненаѣо, воспитао самъ те по могућству: а кадъ ти сердце за ратомъ тежи, иди! Богъ некъ е съ тобомъ, могао си и кодъ мене остати. Да ме е овако назвао, и то ми каже, да е на кривой моѿой хальины свиломъ навезено то име, Миливой, нашао. — Ахъ правый обликъ, држаючи у руцы иконицу, правый обликъ твое матере, върне мое супруге, ахъ никадъ незабравльне Милице! —

По томъ узме га отаць за руку, ходи! ходи по край гроба ѣмо ѿ сести, да ѿ баръ кости чую, да самъ те, сыне мой! едаредъ опеть добію: тамо самъ проливао, тамо ѣу до вѣка сузе проливати, ходи, тамо ѣу тина-кратко живота нашегъ премѣне преповедити. Кадъ доѣу къ гробу, овде, овде ти кости матере лежу! ово ѿ е вѣчна куѣа, у кою е зависть и злоба іошть у невреме оправи! заценисе на ове речи, и падне на гробъ, овде ѣу и я поредъ нѣ лежати! Миливой простресе на гробъ матере, и ороси га сузама. По дугимъ ту плачу и риданю дигне га Апостоловиѣ и са плачнымъ очима почне: Ово намъ е садъ любезный сыне! едно едино место одъ целога могъ имѣнія заостало, на коимъ мирни, и за животъ нашъ извѣстни быти можемо. У младо мое доба было самъ, као и сваки младиѣ радо войникъ, и ту са не-

кимъ по имену Сретеновићемъ, Богъ нека му суди! яко се у пріятельство заведемъ; ербо другогъ одъ млады людій ни самъ ни подобногъ имао: но то се пріятельство у кратко време прекине, изродисе међъ нама найпре, како што кажу, нека политика, после зависть, на последку и такво непріятельство, да ме е и живота скоро коштало. У повърености моіой къ нѣму кажемъ му, ахъ! (брисаюћи сузе) никадъ нећу престати суза за нѣомъ проливати, кажемъ му за мою Милицу. Упази онъ ню еданпутъ, почне самномъ сувлѣ се разговарати, у мысли о нѣой худо неко, и нечовеческо дѣло: но будући да самъ му я у путу быо, то се самномъ посвађа. На кратко после тога време Сретеновићъ случайно уклонисе, и Милица по закону закуне ми предъ свѣтымъ олтаромъ вѣрность. Ово нѣга іошть вѣрма огорчи, и постанемо найгори непріятельи. У рату, докъ смо све на еднаке степене чести ступали, шкодити ми ніе могао: но кадъ е помоћу свое лаже, и на мене кодъ поглавица оговаранѣмъ на вышшій одъ мене степень ступіо, явный ми постане непріятель. По томъ строгимъ прама мене, кои самъ му већъ млађій быо поступкомъ, дотде ме доведе, да самъ га на удвой позвао. Онъ то ед-ва дочека, знаюћи, да я на сваку страну губити морамъ: томъ приликомъ ранимъ га, и будемъ у окове баченъ, што самъ се усудіо старіегъ на удвой зазвати. Добра ми се сва

оузму, и припадну по войническомъ Закону
нѣму; а мени се пакъ за главу почне судити.
Случисе за то време сраженіе, мене подъ ма-
ломъ стражомъ оставу кодъ старогъ некогъ
войника, кои, краймене седеѣи чуе на полю
лупу оружія, погледи на мене, уздана, и за-
плачесе. Проливашли збогъ мене ту сузу? за-
питама га. Збогъ васъ заиста, одговори онъ,
на вашей самъ страны до данасъ юначки бо-
ріосе, и мейданъ деліо: садъ самъ довоевао,
пакъ ме іоштъ оставише чувати васъ, да вамъ
за малу погрешку сутра животъ оузму, ахъ
я то никада небы радъ доживити! Благода-
римъ ти, рекнемъ му, на той сузы, коя ти
изъ честного сердца тече — помоѣи веѣ садъ
за мене нигди! законима се морамъ повино-
вати. — А штаѣе вамъ супруга? шта ѣе си-
рочадъ чинити? Покушаѣу Господине іоштъ
еданъ начинъ, само замномъ, пакъ кои пре-
падне, некъ другомъ викне: Умро, освe-
ти ме, пакъ замномъ! У тай паръ изтр-
чи наполь, донесе два мача, скине са мене
окове, и уклопи ми еданъ у руку, боль е,
рекне ми, юначки погинути него, како што
бы намъ обоицы одсуѣено было. Провучемо се
на другу страну поредъ страже тако, да насъ
ніе ни усмотрила, и управъ меѣ найгуш-
ѣе непріятельске гомиле, не зашто друго,
веѣ само смерть тамо тражити. Благодѣй
мой падне предамномъ, Умро, освети ме!
повикне: я онда, као да су ме паклене фуріе

поджегле, просечем се крозь найгушѣе непріатель, и быо бы се опетъ натрагъ вратио, да ми върна моя Милица, и деца на умъ недоѣоше. Упутимсе после овамо, да бы се кодь доброгъ могъ пріателя о нѣой штогодъ извѣсти могао: но, ахъ жалости! застанемъ ю у постельи крваву, и ове су іой речи, кадъ ме е видила, „гледай! распытуй за децу!“ последнь быле. Она е, као што ми после мой пріатель рече, (кои е ню на мою молбу овде дао погребсти, и мени ово парче земль да на светъ неизлазимъ, поклоніо) она е, кадъ е тай жалостный о мени гласъ и до куѣе пукао, похитила была съ вама двома у станъ, да бы поглавице, гледаюѣи на васъ, смиловалисе, и животъ ми опростили: но у путуна падну на ню зли люди, и убію е. И тебе самъ сыне мой до данасъ за убіеногъ држао: но ево помилова ме Богъ у моимъ седымъ годинама, и дарава ми те, ахъ! али гди ти е сестра? та, недопусти ми горка судьбина ни на отеческе е руке пріимити! —

Читательи мои и читательице добро ће се опоменути моѣи, дасмо Любисаву предъ саму скоро вечеръ у шуми, кадъ су Злочинцы на Албанеза напали, и обезглавили га, блудѣу оставили. У крайнымъ отчаянію тумараюѣи по шуми, у надежды на какве добре люде наиѣи, кои бы е у село извести, или путь показати могли, зачуе гласъ: Ево опетъ милостива Госпоже што ново, мртавъ човекъ!

У зао часъ рекне женскій гласъ, найѣосмо овимъ путемъ. Садъ Любисава, као да е крила добила, на ону страну, одъ куда е гласъ чула потрчи, и онако крозь шуму бегаюћи одъ шумски грана изранѣна доспекъ колма, на којима се женска една особа находила. Иматели такво сердце, у пыта крозь плачъ Любисава, когъ бы се несреѣне едне, и блудеѣне сироте молба коснути могла? Имамъ, одговори Елена (то е Госпоже те име было) приступите ближе, ништа се не бойте, ласносе уцвельно сердце уцвельнога приима. Любисава попнесе на кола, и у страу садъ да не бы злочинцемъ каковымъ у руке пали, ускору, и среѣно приспѣду до первога села: гди Елена рада о нещастію Любисаве известитисе, замоли ю обеѣваюћи, даѣне іой колико буду силе допустиле станѣ нѣно одлакшати, само да іой простодушно све свое судбине у недра изліе. — Ахъ! заценисе Любисава, двапутъ ми дубль ране у сердце ударате, принуѣваюћи ме среѣне мое, и несреѣне дне опоминяти. Кадъ е свогъ живота повѣсть окончала: ништа ми друго, рекне, садъ неостае само, да се могу уцвельномъ момъ оцу повратити, кодъ нѣга бы у самоѣи нещастіе мое оплакивала! — Тешко ми пада, ступи іой Елена у речъ, што мене судбина опредѣли нову ти рану у прсе ударити. Место ми е добро познато, гди е твой отаць живіо, но садъ тамо нигди никога нема, Непріятельи нападоше на оно неколико домова, попленише, посеко-

ше, кое се ніе могло измаћи; кои су пакъ утекли, незнасе, куда су се отисли. — Ахъ! шта ми садъ овогъ света остае? бризну у плачъ Любисава, и потокъ суза пелети іой изъ очію, нигди никога! жива ћу се у гробъ покрай Строимира, ахъ мога Строимира закопати, то ми е іоштъ едно овога света (плачъ іой прикине говоръ, и са свымъ умукне). — Ниситы една сестрице моя! на овомъ свету, која страдашъ, одговори іой Елена, то е и мое жребіе, утишайсе мало, заедно ћемо одъ данасъ кукати, заедно ћемо тугу нашу, и жалость оплакивати. Іа самъ ти садъ и последню твою надежду одузела, никога одъ рода у Сербіи не-машъ? пођи самномъ, не као да бы те кодъ мене службе ради хотѣла задржати, быћешъ ми другарица, заедно ћемо горке наше судьбе оплакивати, и една другу са сузама тѣшити, ахъ! и я самъ ти несрећна удовицомъ постала. Любисава дигне очи на ню, и замышљено погледію. Ахъ сестрице, и мени прождера ратъ, поведе Елена далъ, сву мою утѣху! све, све што самъ годъ овога света наймиліе имала, ахъ ни годину съ нѣиме нисамъ проживила! Тебе неопущамъ, ты си ми равна, заедно ћемо тереть наше туге, и жалости една другой тужећисе, лакше моћи сносити. Пріими мою молбу, и неотискуйсе одъ мене. — Овде садъ проведе Любисава са своіомъ сострадателницомъ; будући да се збогъ зиме, која е наступала, на путь упустити нису

смеле, цело то време до пролећа у туги, и жалости: Елена предузела е была путь изъ Етоліе у Сербію, гди іой мужъ у сраженію едномъ на велику нѣну тугу, и жалость животъ оконча, гробъ му посѣтити, и была е садъ у овай паръ на трагъ се вратила. —

Миливой, увидѣши по преповедки старогъ Апостоловића печално состояніе, намысли свакоякимъ начиномъ, кадъ му е већъ рана зарастла, оца приволити у Етолію къ своимъ воспитателю кои е доста прилично добара имао, прибећи: но то му е изъ прва одъ већъ тешко было: будући да се ніе дао никоимъ начиномъ стары Апостоловићъ дотле довести, гробъ вѣрне свое Милице оставити. Миливой после све выше и выше оца молећи, приводи га, и данъ ко полазку буде опредѣльнъ. Тешко ће ми бити, рекне Миливой самъ у себи (кадъ е Апостоловићъ на гробу свое супруге седіо и плакао) тешко ће ми бити, кадъ поѣмо, одъ гроба га отиснути, боимсе, да неће одъ плача свиснути. Данъ опредѣленный осване, и Миливой у свомъ мнѣнію ни найманъ се непревари: стараць е выше путій тешко одъ гроба корачію, пакъ се опетъ на трагъ враћао: немогу, немогу сыне! одступити! повикне! и падне на гробъ, Миливой дигне га, и по многимъ одъ обоице плачу, и сузапроливаню едвасе отисну.

Кадъ су у Етолію дошли, Миливою по мысли нѣговой планъ неиспадне, воспитателя

свога у животу застати ніе могао, пріятельи, ако е кои іоштъ и живіо, выше су се одъ нѣга клонили него што бы му помоћи желили. Дуго е тако време безъ сваке службе провео, докъ препорукомъ непостаде у граду некомъ надзирательмъ надъ сужныма. Зажели овде едномъ приликомъ, водећи собомъ старогъ некогъ служителя, сужне походити. Све тамнице обиђе, и кадъ се натрагъ окрене, у пази у едномъ буцаку гвозђемъ окована врата. Ніели и овде какавъ сужный? за пыта служителя.

Служитель. Есть.

Миливой. Отворите, да га видимъ.

Служитель. За животъ главе Господине несмемъ, троя има врата, и башъ е тамница, ништа се скоро у нъой не види. Овай сужный толико већъ време само о лебу и воды, а іоштъ да има и тога доста, живи: науміо га е надзиратель овога града глађу, можъ-да, уморити, а незнасе ни крозь што, ни зашто. Свашта му забранюе, дао бы и паукове потући, да чуе да се съ нѣима забавля, и време проводи. Кадъ му унесемъ ести, ништа неговори, само по често уздане, и погледи ме, као да бы ми што имао казати. Жао ми га е Господине, да му могу помоћи, изъ свегъ бы сердце учиніо.

Мил. Отвор'те, никогъ сада нема, да га видимъ.

Служ. У вашъ одговоръ, хоћу. Отвори

по томъ една и друга и треѣа врата. Мала е светлостъ у тамницы была, коя е крозь тесный некій прозоръ пролазила: на среды тамнице седи сужный у оковы, кои су за дуваръ приковани; леѣа вратма окренуо, и забавлясе са пауцыма, кои су му се по свои концы на руку спуштали, гди имъ е рану пружао. — Ели, вамъ што потребно? запыта Служитель сужнога.

Сужный. Само тишина.

Служ. Каж'те ми, ако вамъ што сердце иште.

Сужный. Само миръ и тишину.

Служ. (къ Миливою) Ето видите Господине! таквый му е разговоръ свагда: две, три речи пакъ ту му е све.

Сужный. Дайте ми мира (окренесе къ ныма) немойте говорити, отераѣете ми вашимъ разговоромъ и ова невинна животна, коя су ми сва на овомъ свету —

Миливой. Ахъ! когъ видимъ? Строи — Строимиръ!

Строимиръ. И овде ме крвниче наѣе? и овде самъ ти на путу? умори ме кадъ самъ ти у власти, да се непатимъ, само ми найпре кажи, шта са Любисавомъ, ахъ моіомъ Любисавомъ учини.

Мили. Ја незнамъ ништа о —

Строим. Не лажи! да ми тешки ови ланцы на руку не лежу, зубыма бы те заклао, и онако ми е веѣъ животъ додіао.

Мил. Заклинѣмъ ти се свѣмъ на свѣту, да ништа о томъ незнамъ.

Строим. Крвниче! иди ми съ очію, погледъ ѣе ме твоей отровати: или, кадъ си ме надъ раку дотерао, тргни тай, пусть ти остао! ножъ одъ пояса, удри га до корица у ове печалне прси, да се выше немучимъ: то ми іоштъ едно добро учинити можешъ, за кое ѣу ти благодарити.

Мили. (приступи му ближе, извади свой мечъ, пружи Строимиру у руку) Ево! удри у ово сердце, кое ти свой животъ еданъ путь благодарити има, кадъ тако зло о мени мѣслишъ.

Строи. (погледаюѣи га зачуѣено) Ты мене застыѣуешъ. — Ал' ніе ни чуда, у фришко си лукаштине твогъ Албанеза научіо.

Мил. Албанеза? ко е то, я га и непознаемъ.

Строим. (срдито) Онай кой те подкупіо, и послао да му Любисаву, ахъ мою Любисаву! ономъ приликомъ, кадъ ти животъ спасо, украдешъ.

Мил. Богъ некъ ми буде сведокъ, я о той ствари ништа незнамъ: раніо ме е моимъ оловомъ, кадъ самъ му Любисаву изъ наручія отрѣи потрчао, и однесе ена моимъ коню. — Ево ти Строимире рука, и тврду ти веру заклинѣмъ, да ѣу за Любисаву, ако гди подъ небомъ на земљи іоштъ жива буде, распытати, и теби горко твое станъ одлакшати тру-

дитисе : само се на мене ослони. — Со тымъ затвори врата, и оде.

Строимиръ седеѣи самъ у тамниці: Ето садъ опетъ новина! реко ли му да е лисичіе преваре одъ Албанеза у фришко изучіо? — поджиже у мени нове надежде, кой ѣе ми плодъ сто путій іоштъ горчіе, може быти, пасти. Онъ ѣе ми, што ми е наймиліе овога света было, опетъ у наручія моя довести! а ко е тай? — Албанеза, найгорегъ могъ злотвора, пріятель. — На страну та мысль! неѣешъ ме выше кушати, неѣешъ се самномъ выше играти. За мене веѣъ нема выше радости! противна ме судба яко обгерлила : ланцы ови на мени све су ми, што овогъ света имамъ! — А на што ме естество онымъ чувствама одари, коя радостъ, и весель осеѣаю? зашто? неѣели кадъ време доѣи, да и та употребити могу? Ахъ Земный животе! шта си? — или ѣу до века горкимъ овымъ судбама подлежати? — Ахъ не: преправляшъ ме да живлые на другомъ радости осеѣамъ; подобанъ си дрвету, кое іоштъ плода неноси; сличанъ си настоеѣу ведромъ дану, кои се текъ изподъ одежде мрачне ноѣи указуе; у теби ништа не уживамо, само се за больй животъ преправлямо: ахъ тамо ѣе моя, само моя Любисава быти! тамо ми неѣе завистъ, и Злоба замке бацати. Та, та ме само іоштъ надежда пита, и рани подобный Албанезу Миливое! не-надамсе на твое обеѣанъ, Любисава, ахъ

Любисава подъ цѣрномъ, може быти, зем-
льомъ лежи: а я у оковы одъ дана на данъ
прецвѣћуемъ, и опадамъ, кодъ ми и цѣлать
главу съ рамена нескине. —

Строгій повелитель овога града по крат-
комъ времену буде преместитъ, и другій бла-
жїи, и милостивїи ступи на нѣгово место, кои
сужнымъ нашимъ Строимиру горко станъ ма-
ло одлакша. Миливой по свомъ обећаню рас-
пытывао е свуда едали бы гди когодъ казати
могао, кои е узрокъ, да Странный овай у та-
ко тешки оковы наиболъ свога живота време
проплакуе: но све бадава, нигди ништа ка-
зати му се нїе могло. Намъри напоследку бла-
тому овомъ повелителю молбу свою о Строи-
миру представить, и будући да старый Апо-
столовићъ никако се овде навикнути нїе мо-
гао; но све е у Сербїю натрагъ тежіо: то за-
ключи Миливой и Строимира кадъ се нѣгова
невиность освѣдочи, искупити, и натрагъ у
Сербїю повести: вальда се гнѣвъ Сретенови-
ћа за тако дуго време, мысліо е онъ у себи,
утоліо, и онъ ће нѣму погрешку, какову че-
сто млади люди чину, опростити. — Еданъ
данъ представи Миливой свою молбу, и по
другимъ у суду испытываню, на последку ни-
шта друго нїе се изнашло, но да е Строимиръ,
као што смо наговорили у сраженїю некогъ
поглавара сына обезглавіо, и заиста бы быо
поглаваровогъ гнѣва жертвомъ постао, да и
овай у рату неоконча. Кадъ се нѣгова неви-

ность сасвымъ осведочи: „Неподлежи, пове-
„де повелитель града, тай човекъ нашимъ
„гражданскимъ законима; него дасе слободно
„одпусти, онъ као юнакъ дужность е прама
„свога отечества чинію, и за то пре заслужуе
„награду, него казнь какову. Съ нымъ се
„требало овде као съ робомъ поступати: а
„не бацѣти га у найгоре тамнице и гвожђе,
„као найвећегъ злочинца. И у непріятелю до-
„бродѣтель треба чествовати. За то, за на-
„граду нѣговы горко проведены дана да се
„безъ сваке плате съ места одпусти, и сло-
„бода да му се да у отечество свое вратити
„се.” —

Миливой пунъ радости утрчи Строимиру
у тамницу, бацай те окове са себе! радостно
повикне, невино си страдао, све се осведочи-
ло: садъ си слободанъ. Строимиръ кои е у
необычно време видіо да му се врата отво-
раю, и жуборъ многи людій на полю чуо: по-
мысли у себи, да му већъ последний часъ
живота наступа. Шта говоришь? запыта Ми-
ливоя, кои е већъ кодъ нѣга быо, или хоћешъ
радост'ю да ме опоишь, да дубль, и горчіе
одъ садъ тугу мою, и жалость осећамъ?

Миливой. Не Строимире! све е исти-
на, одъ данасъ си слободанъ, бацай окове!
оцу ми се овде недопада, тежи у Сербію на-
трагъ, пакъ ће мо сви троица у мило наше
отечество, макаръ да се мора одъ опакогъ
твогъ стрица отаць мой и прекривати, Тамо

ће мо заедно Любисаву тражити, ако Богъ да, ућемо проклетомъ Албанезу у трагъ.

Строимиръ. (Миливоя целогъ нѣговогъ говора зачућено сматрајући) Шта ти загонеташъ, и теби е Сербія отечество? Шта е твой отаць изъ тако дальне Земль са моимъ стрицемъ помешао? —

Миливой преповеди му на кратко све: како су Апостоловићъ и Сретеновићъ изъ прва живили: како се после међъ нѣима неприятелство зачело: како е Сретеновићъ дотле зло са Апостоловићемъ поступао, докъ га са свымъ неунычттожи: како е последний Сретеновића поступакъ живота матере нѣгове и сестре, кою е већъ за мртву држао, коштао: како су добра Апостоловића у руке стрица нѣговогъ препала, — и све пореду, као што му е отаць изказао. — — Строимиръ, по одбиеннымъ са себе ланцы, благодари тогдашнѣмъ града повелителю на милости, и обећасе Миливою по смерти свогъ стрица свадобра, коя су кадъ годъ Апостоловићу принадлежавала, уступити, само ако буду срећно у Сербию приспели, и Сретеновићъ нѣга се са свымъ nebude одрекао. Строимиръ, кадъ е предъ старогъ Апостоловића дошао, страшно стане: но великодушный стараць почне. „Што си се сыне! тако смутіо, ходи да „ти благодаримъ што си ми животъ мога единца спасао. Ако и имамъ сердце на твога стрица, теби самъ дужанъ благодарность. Ни

„самъ я еданъ, кога е онъ у погибель бацѣю,
 „а и тебе се, може быти, небы прихватіо, да
 „на много места, и до саме смрти Благою,
 „покойномъ твоѣмъ оцу у путу ніе стояо. Ни-
 „шта се неплаши одъ мене, любимъ те као
 „мога единца, садъ ће мо скоро; ако волю
 „имашъ у мило отечество натрагъ, пакъ ако
 „се и тебе буде одбацѣю, живићешъ самномъ,
 „и моимъ сыномъ у мојой колебы, коя ми е
 „све мое добро, просто: но задовольно. За-
 „довольство свога света првѣй е источникъ
 „щастливогъ живота. Задовольный свагда е
 „миранъ и спокоянъ, нѣга несмућавао срећ-
 „ни сосѣда свога судбе случаеви и напредцы,
 „како што завистливогъ: нѣга неузнемири-
 „ва красный имућегъ, и великолѣпно сазида-
 „ный домъ, као што сребролюбца, кои бы
 „може быти двапутъ лепшій могао имати: нѣ-
 „му се не врти по главы, како бы имѣніе свое
 „усугубіо; но са онимъ, што е собственнымъ
 „зноемъ добіо, задовольянь будући, щастли-
 „во дне свога живота проводи: онъ е свагда
 „весео и у добромъ расположеннію; незадо-
 „вольный е напротивъ мрачанъ у лицу, и на-
 „мргоћенъ. — Задовольно ћемо мы Любезна
 „децо моя! у мојой колебы поживити, задо-
 „вольніе, то добаръ стоимъ, него Сретено-
 „вићъ на целы нѣговы добры, задовольно самъ
 „тамо живіо, само, ахъ! никада заборавити
 „не могу! што самъ за Милицомъ, и децомъ
 „тужіо — іоштъ да ми е кћи, или баремъ да

„знамъ гди іой е мати земля парче месташца
„за вѣчитый домъ опредѣлила — (гласъ одъ
„плача изгуби) — — Садъ само гледай сыне!
„да пре одпуштень будешъ, да се у милена-
„ше предѣле повратимо.” Миливой после неко-
лико дана благодари на службы, и буде од-
пуштень: спремусе дакле садъ сви трое, и
опредѣле, ако нигди никакове среће, то у ма-
лой оной колебы, еданъ другогъ тѣшећи, о-
стале живота дане проводити.

Оставилисмо, добро ће се сетити чита-
тели мои и читательнице у ярости, и гнѣву вы-
ше одъ подсмева, кога е одъ Благороднога,
и кѣри нѣгове поднети морао, нежели збогъ
Строимировогъ поступка, беснуюћеъ Срете-
новића. Но, будући да гнѣву, и ярости пре-
чега лека нема, него време: то падне после
дугаго времена, када нитъ одъ Албанеза, ко-
га е за Строимиромъ послао бую, нитъ одъ
Строимира каквога гласа, злыи и opakій Сре-
теновићъ на блажіе мысли. — Миленко! по-
викне еданъ данъ слугу, зима проиће, и ево
већъ целомъ естеству любко наступи проле-
ће: а о детету ни гласа, ни трага. Онъ ту-
мараюћи садъ међъ непознатима проплакуе
майске дане, а и мени су одъ часа на часъ
све горчи, — онай странный са оно мало нов-
ца отискаосе Богъ зна! Кудъ, а мене остави
овде у найвећой туги: спремисе, самъ љу-
морати поћи тражити га, пакъ макаръ га већъ
и венчаногъ са ономъ селянкомъ наѣмъ, о-

петъ га се наѣу одметути; да баремъ, са нѣмѣ добро поступаюѣи, мое погрешке мало изгладимъ, и совесть, коя ме за моя злочинїя мучи, утишамъ, и примиримъ. — Дигнесе потомъ на путь узимаюѣи собомъ толико оружаны слугу, колико е мыслю да му можеду насвакїй зао случай довольни быти. Треїй данъ нѣговогъ путованя доѣе у пустыню на еданъ гостилникъ; и будуѣи да збогъ старости на колы далъ путовати нїе могао, заключи овде другу половину дана, и настоеѣу ноѣъ малогъ ради одмора провести. У найвеѣой туги, што свуда распытываюѣи за свогъ сыновца, нигди ни спомена не чу, седне предъ гостилникомъ у ладъ, и бореѣисе са своимъ мыслима са свымъ ванъ себе буде: докъ га по томъ просїякъ у оцепанымъ хальинама, гулама своимъ изъ брижливы мысли непробуди. Кадъ просїякъ свою песму испева, приступи понизнымъ гласомъ за милостиню молеѣи. — Ты твою песму, рекне му Сретеновиѣъ, за часъ сверши, шта си заслужио?

Просїякъ. Што мылостивый Господинъ да, я ни одъ кога ништа не иштемъ: што ми ко да, я самъ задоволянъ — парче леба или пару, да одъ глади неумремъ.

Сретеновиѣъ. Ал' ти е одъ веѣъ кратка песма была.

Прос. Іа знамъ и дужи, о Кральвиѣу Марку, о Мусы, о женитбы Цара Стефана, или каквы вы зактевате.

Сретен. Добро, добро — доста! (машаючисе у цепъ погледи на просіяка) — Ха! та ты си онай проводачія?

Прос. Іа само моимъ гулама трудимъ се леба заслужити, да не скапамъ одъ глади; а ви ако ће те ми што дати, добро, — яћу благодарити: ако не, нисте ни. —

Сретен. Есил' ты онай Гойко, знамъ да знашъ много говорити: него, (скочи да га за прси дочепа, Гойко у ступи) казуй! кудъ е мой сыновацъ са твоіомъ лепомъ ћеркомъ?

Гойко. Іа незнамъ о томъ ништа.

Сретен. Казуй! кудъ ій оправи? таки ти сто дегенека дамъ оцепити. Миленко! (слуга изтрчи) држи овогъ крвопју.

Гойко. (корачи натрагъ и оба дверучке замане гулама) тако ме Богъ помогао! ко ми приступи, хоћу га башъ по звезды, да цела ова долина заечи; макаръ ми се гусле и на парчета разлетиле.

Држ'те га, шта гледите, продересе у ярости Сретеновићъ. Слуге се склепгаю. — Заиме Божіе! отерзаючисе одъ нњи повикне Гойко, та ни самъ я пустаіа, какво е то насиліе? та противъ естества закона чинити, гори сте одъ највећій на свету харамія, пустите ме, яћу му казати, што зактева.

Сретен. Пустите га — но казуй гди е мой Строимиръ?

Гойко. Та нисамъ я невалянъ човекъ — (укочисе предъ Сретеновићемъ) Вашъ Строи-

миръ, садъ се Господине! опоминѣмъ, да сте кадгодъ кодъ мене были — Вашъ Строимиръ дође два дана! после, кадъ ми Албанезъ мою девойку, ахъ мою одну у старости утѣху! оте.

Еданъ одъ слугу (другомъ) Гле, како е исцепанъ, башъ као да е облаке водіо.

Гойко. (окренесе къ нѣму) Нестай ми и ты на едъ (замане рукомъ) садъ ѣу те плѣнути.

Сретен. Стой! — Ходи ближе! — ил' ме очи вараю? — шта ти е то на руцы? —

Гойко. Ово ми е сва моя сермія, што ми после кѣри, и после ватре остаде.

Сретен. Ходи! — — шта видимъ? Миличинъ! одъ кудъ ти овай прстенъ? Ты си дакле онай, што си ю убіо? — Држ'те га, повикне слугама, свеж'те га, да се тай злочи-нацъ суду преда.

Слуге нападну на Гойка. Онъ се нађе у чуду. Но опетъ напасти! шта вамъ е люди наспело, викне трзаюћисе одъ нѣи, валь да сте бунике ели? та ясамъ еданъ честанъ човекъ, цело ме село за поштенога држа, а ако я садъ морамъ съ гуслама ранитисе, я зато опетъ ни одъ кога ништа неотимама. Пустите ме да му кажемъ, одъ кудъ ми е прстенъ. Сретеновићъ, кои гледаюћи прстенъ, позна да е заиста Миличинъ: ово е нѣнъ повикне, кою самъ я у невреме у тамный гробъ оправіо! пустите га да ми каже. — Говори! одъ кудъ ти овай прстенъ?

Гойко. Има близу двадесетъ година, како е мой.

Сретен. Опетъ ты по твоѣмъ обычаю, брже — гди си га добіо?

Гойко. Нашао самъ га кодъ мое кѣри.

Сретен. Кодъ кѣри? — кое кѣри? ніе оно твоя рођена кѣи? Говори!

Гойко. Ніе.

Сретен. Говори брже! ахъ то ће бити, као што ми сердце каже, невинно збогъ мене убиенне Милице дете! говори!

Гойко. Ишао самъ у оно време на дальній путь (кратко ѣу вамъ казати) и натрапамъ, будући да самъ путь правый изгубіо; крозъ шуму на одну стазу, нађемъ сво у крви обливенно, и у свиленымъ повою завиено детенце: сожалимъ, да ту у пустыњи неугине, узмемъ га у наруч'я, и донесемъ до првога села. Овде самъ распытывао, небы ли му гди родительъ нашао: но све бадава, нико се нектеде детета приимити: я онда смыслимъ, макаръ да самъ и сиромѣ быо, дете присвоити, и одранити. Познао самъ по свиленомъ повою и пеленама, да мора одъ великогъ рода бити, и нашао самъ до две белеге на пелены извезене, наликъ овако (наша ра штапомъ своимъ на земљи Л и А) и то ми казаше, кои су знали читати, да е люди и азъ, пакъ самъ зато моіой новодобитой кѣри надео име, Любисава. Она ме е до последнѣгъ дана за рођеногъ оца држала и по-

читовала; Ербо іой никадъ у уши не упусти, да е родіо нисамъ : а прстенъ самъ тай нашао завезанъ на повою — Ето вамъ ! кадъ сте ради знати, одъ куда ми прстенъ ! Него видимъ, ячи сте одъ мене, знамъ даћете ми га отети ; дайте ми само мое гусле (окренесе на слугу, кои е гусле у руцы имао, чувай ты дедаче ! да ми струнъ не покидашь) — дайте ми само мое гусле, пакъ съ Богомъ ! я идемъ у светъ, пакъ ако гди Любисаву мою наћемъ, она ће мене у крайной моіой сиротеньи тѣшити. — Садъ нисамъ злочинацъ ел' Господине ? съ Богомъ ! —

Сретеновићъ прихвати га за руку, и скоро крозь плачъ : — Стани Гойко ! Ты си одраіо оно дете, кога самъ родитель я упропастіо, ахъ никада одъ грѣха нећу се опрати ! зашто ми наказа пре ? пакъ баремъ, место што самъ у путу момъ Строимиру стояо, радостно допустіо, да се са Любисавомъ венча ; те тако бы мало сердцу одлакшао, кадъ бы дете Миличино, дете Апостоловића, — ахъ гроза ме напопада кадъ се моій злочинія опоменемъ ! — кадъ бы дете Миличино са моіимъ Строимиромъ срећно видіо. Гди е Любисава ? води ме, да одъ нѣ опроштєня иштемъ, ахъ ! Апостоловића и Милице кости немогу мой плачъ услухати ! неможе ми блаженный нинѣ пепео опростити ! они већъ давно подъ церномъ земљомъ, лака нека имъ буде ! лежу — нѣи ћу предъ лицемъ Божіимъ последнѣгъ да-

на на ономъ свету за опроштенъ молити, и приклоняти. Дай! води ме садъ у светъ кудъ знашъ, да распытуемъ за децу, да се по ту-ђимъ земляма безъ свога непребіау. Ты ћешъ одъ садъ кодъ мене остати, кодъ мене живити, тебе ћу за найвећегъ могъ благодѣя припознати. — Садъ Миленко Гойку донеси хальине, некъ се пресвуче: пакъ ћемо у име Божіе, пре него што данъ осване, нашимъ путемъ.

Гойко садъ у хальине, какове свога века понео ніе, увіенъ, почнесе разбацьвати, и као гавранъ у пауновымъ перю ширитисе: одмакнисе далъ одъ мене, рекне служителю едномъ, кои е близу нѣга седіо, да ме тымъ твоимъ гаравымъ рукама неокенѣчишъ! — садъ, докъ мою Любисаву наћемъ, како ће се зачудити, кадъ ме у овымъ хальинама види. Момче! сгледаюћисе око себе, ель да ми лепо стою? као годъ да су за мене кроенне. — Да, да, уће му слуга у речъ, башъ као да су туће. — Аль гле ћурдіе! само да е съ прѣста дужа, већъ ми небы тако лепо стояла. А оћемол' Господине! Любисаву мою са Строи-миромъ венчати? — Оћемо, само да да Богъ, да ій гдигодъ живе іошть у свету наћемо: онда ћу ю молити, да ми у име оца и матери мой, ахъ! никадъ, никадъ то неможе быти, мой безчеловечный поступакъ опрости, — о благій Творче! чудимсе како се земля подамномъ непровали, и овако великогъ греш-

ника непрогута. Тешко потомъ уздане, и ућу-
ти. — Онда ћу я, оћетел' ми допустити Го-
сподине? рекне Гойко, онда ћу я коло заво-
дити: пакъ ћу подскакиваюћи тако играти,
да ћу све, кои на свадбы буду, надиграти.
Иди, иди одатле, ступи му слуга у речъ, о-
клепанный старчино, за тебе е игра: гусле те-
би у руке пакъ у буџакъ! пребало бы ти двое,
трое поредъ тебе да стою, кои бы ти бангаве
те твое штапняче одъ земљъ дизати помогли.
Слуго! претећи му Гойко, узмисе на умъ,
знашъ тко самъ я? Видимъ те, рекне слуга,
гавранъ у пауновомъ перю у таковымъ, и
тымъ подобнымъ разговору проведувећу часть
ноћи; да бы старога Сретеновића, кои е не-
престано горко уздысао, и плакао, мало раз-
веселили: но све е залудъ было, онъ се ниш-
та друго ніе разговарао, само су му речи:
Апостоловићъ, Милица и Любисава на езыку
лежале. Сутраданъ, пре него што ютро огра-
не, дигнусе на путь, и Сретеновићъ посади
Гойка поредъ себе; да бы га мало брблявымъ
своимъ езыкомъ забавляо, да се на преѣшняя
своя злочинія често неопоминѣ. — —

Любисава и Елена проведу у ономъ ме-
сташцу у туги и жалости целу зиму, и кадъ
красно пролеће сину, дигну се на путь у Е-
толю, на добра Еленина. У путованю, бу-
дући да Елена већъ выше собственный кола
држати ніе могла, найму у поседнѣмъ селу
една, коя бы їй преко велике неке пустынь,

коя е предъ нѣима лежила, до прве варошице привезла. Путовоѣа овай, и иначе рѣавъ човекъ, а притомъ осети, да ове две странне скупощенны ствари кодъ себе имаю, науми съ нѣима управити. Имао е у той истой пустынѣи не далеко на страны одъ пута свогъ познанника, одъ првога реда пустаю; зато споро е целый данъ путовао, изговараюѣи се на марву, да е у морена; само да бы у угодно време, то есть у ноѣъ, прама колебе чемерногъ свогъ познанника приспео. Тако се и случи: Предъ саму вечеръ удари своеволь-но на еданъ покрай пута чапуръ, и сатре то-чакъ. Шта ѣе мо садъ, повикну оне изъ кола уплашено, чинити.

Путовоѣа. Добро ѣемо, среѣа да се овде догодило. Имамъ тамо на страны могъ познатогъ, позаймиѣу одъ нѣга точакъ, пакъ ѣемо се кое како до варошице, нѣе башъ та-ко ни далеко, докотурати, макаръ у кое до-ба ноѣи было.

Елена. Опасно е овуда ноѣу путовати, я бы пре волю имала овде гди склонитисе, и зору дочекати.

Любисава. (къ Елены) Невиди ми се чистъ посао, я бы радѣе и пуповала, кадъ нѣе тако далеко: наипосле како вамъ воля.

Путовоѣа. А оно юшть боль, мой ѣе познанникъ, мени за любовь, васъ радо доче-кати; а я ѣу са вашимъ слугомъ овде кодъ кола приноѣити.

Елена. Ели само то место добро? да се немамо ми чега плашити, и есмоли тамо за животъ нашъ извѣстне?

Путовоѣа. О никакве бриге неѣете имати, даѣе вамъ самымъ собу, и колико е простъ, опетъ ѣе васъ прилично угостити. — Доѣеду садъ къ колебы, и домаѣинъ овай, о свему томъ извешѣенъ, внѣшнѣ имъ се весело покаже, даде имъ собу особыто, и замоли ѣй кратко време причекати, и претрпѣти се, докъ и вечера буде готова. Елена одъ великогъ умора, бацысе на снизку одну убуцаку столицу, Любисава са жижкомъ поѣе провидити по собы, и на великѣй нѣинъ стра наѣе подъ постельомъ одсечену човечѣю руку: намери то одъ Елене прикрити, но и она упази, и бризну у плачь, яо жалостне! веѣъ намъ е ту край живота! и поче къ врат'ма бегати. Любисава задржи ю говореѣи, остан'те унутри, я идемъ на полъ да се извѣстимъ. Потрчи назорце за домаѣиномъ и путовоѣомъ, и прикрѣесе за еданъ близу нѣи чбунъ, гди су они застали, и домаѣинъ, шта имаду, запыта, ове Госпе, та видимъ да су неке сироте?

Путовоѣа. Алъ си ты башъ слѣпъ кодъ очѣю; да нисамъ осетѣю, да штогодъ имаду, не бы ѣй на танакъ ледъ ни наводѣю. Нисил' видѣю шта она една у марами носи, море! оно су све скупощенне ствари.

Домаѣинъ. Добро, пакъ шта ѣе мо садъ?

Путовоѣа. Іаѣу гледати мало после слугу, видисе яка нека Людина, преваромъ какогодъ да смакнемъ, пакъ онда све е добро. Иди ты само, дасе што годъ неосете.

Любисава дотрчи натрагъ, и преповеди шта е чула. Садъ ѡй мртвый стра нападне. Стигне мало за нѡмъ и домаѣинъ, почнесе правдати, и молити ѡй, да са убогомъ нѡгомъ послугомъ задовольне буду, я се ни-самъ говореѣи имъ, таквымъ гостима надао, я бы се боль преправіо. Добро сте се ви пре-правили, прекине му Любисава речъ, само да Богъ да, да вамъ по желѣи не —. Елена седила е на свомъ месту са свымъ безъ чувства, као окаменѣна. Вечера се донесе на столъ; оне, макаръ да су и гладне были, одъ великогъ стра и бриге за ело се и немашише. Седеѣи имъ тако за столомъ уѣу до петъ подъ ору-жіемъ людѣй унутра, промотре свудъ по со-бы: Е! та ты си домаѣине среѣанъ човекъ, рекне еданъ одъ нѣи: гле како имашъ лепы гостію! завирываюѣи свакой у очи, — него су ништо невеселе? — я незнамъ самъ кои е уз-рокъ, рекне домаѣинъ. — А ви ѡй добро уго-стите, и дайте имъ меку постелю, пакъ ѣе ду се развеселити. Садъ лаку ноѣъ! лаку ноѣъ! окренусе, и оду сви напољъ, домаѣинъ ѡй испрати, и дуго се време са нѣима забави. Кадъ се натрагъ врати: какви су то люди за-пыта Любисава? четници, одговори домаѣинъ, растериваю пустаіе, ако се гди огласу. А да

то нису четникомъ четницы рекне Елена. Не — не мойте тако мыслити, одговори домаћинъ, ово нису рђави люди. — По томъ замоли ий домаћинъ у свою собу ући, безъ сваке брига можете, говорећи имъ, сну се слободно предати, я самъ съ главомъ Емацъ, да вамъ ништа зло случити се неће. Оне одъ стра незаспу, но све еднако мотрећи на домаћина, опаже да онъ нешто много шушка, и да е подъ гунъ свой неко оружје туріо, пре него што ће се одъ нѣи отиснути. Устайте, купимо ово наши ствари, викне Елены Люби-сава да бегамо у пустыню: боль е, неће намъ тако горка смерть изненада быти; овде ће мо пре одъ стра угинути. —

И Апостоловићъ, случисе, да е тай истый данъ са Строимиромъ, и сыномъ своимъ Миливоіомъ у ту пустыню доспео, и заишту у одной ратарской колебы конака: съ драгомъ душомъ одговори имъ домаћица, само ако васъ добро могу угостити. А гди е домаћинъ, да нѣму неће што противно быти? запыта Апостоловићъ. — Не, не гости мои! одговори домаћица, и онъ бы то исто учинію, да е кодъ куће: него немойте што зло о нѣму мыслити докъ дође, онъ радо госте доче-кива; него само, незнамъ шта мора быти, слабо се свагда разговара. Ради, гости мои! како и другій црвъ, и кућа намъ благодаримъ Богу, иде у напредакъ: само му е то кодъ нѣга: да све ћути, и често се заплаче. Има

скоро двадесетъ година како съ нѣмъ живимъ, децу истина као свою душу милуе, а и мене радо има: него све е невесео, а узрока никада ни на мое, ни на дечино питанѣ неказуе, често, кадъ се заплаче, чуемо ту речъ одъ нѣга „мой капетанъ! — иначе е добаръ, ништа се немойте о нѣму сумняти. — Међу тымъ нѣинымъ разговорѣ изтрчи девојчица изъ собе, која е оца съ поля долазити опазила, и кадъ га близу кодъ колебе сусретне: отацъ, рекне му, мысмо добыли гостію, — три госта! Добро ћерко, само треба да ѿ и добро дочекамо, и угостимо, а гди су намъ гости? — Съ майкомъ у собы. Домаћинъ уђе у собу, и по своимъ обычаю, гледајући къ земљи, поздрави свое госте. Нїели вамъ што противно домаћине, што васъ узнемируемо? запыта Апостоловићъ. — Боже сачувай! будите ви само съ моіомъ послугомъ задовольни: бацы на старогъ Апостоловића очи, ахъ! кога видимъ? и простресе предъ нѣмъ на землю, мой капетанъ! ель могућно? — опростите! убїите ме Господине! — Сви садъ стану као укочени, незнајући шта ће изъ тога испасти. — Убїите ме Господине! горко крозь плачъ повикне ратаръ, убїите ме, да ме совѣсть выше не мучи!

Апостоловићъ. Шта вамъ е? прибертесе мало.

Ратаръ. Ахъ Господине! я васъ по той

одъ саблѣ на челу белеги познаемъ, я самъ
подъ вами кратко време воевао.

Апосто. Добро, то сичиніо као верный
отечества сынъ.

Ратаръ. Ахъ Господине! изневеріо самъ,
побегао самъ после. (горько плачући) Опрости-
те ми Господине! — о! шта говоримъ? опро-
ститисе неможе, убіите ме, сладка ће ми
одъ ваше руке смерть быти.

Апосто. Прибер'те се, шта говорите?

Ратаръ. Быо самъ айдукъ — ахъ! Го-
сподине Мил. —

Апосто. Моя Милица? — Говори шта
о нъой знашь?

Ратаръ. Ахъ убіите ме, опростите ме
мука! ова да е Богъ дао, да се пре осуши,
ова іой смерть причини.

Апосто. Ахъ моя Милица! ты ню уби? —
(у ярости) Говори бездѣлнице кудъ ми е дете?

Ратаръ. Іа самъ Милицу по заповести
проклетогъ могъ старешине — ахъ! убіите
ме, вашомъ ме рукомъ на онай светъ опра-
вите, пакъ ћу быти спокойнъ — и децу мало
да не посекоше: но молю самъ свакояко те
ій живу у шуми оставише. Побегнемъ после
одъ нъи, и наићемъ у едномъ селу на чове-
ка, кои носећи женско дете, распытыва за
родитель, за друго незнамъ — Ахъ Господ
— — Помагай! зли люди! чую гдасъ, и
пукне пушка. Посуктаюсе на полъ, у помоћъ,
рекне Апостоловићъ, некъ ти е Богомъ про-

сто одъ мене, само ове бѣдне да избавимо. —
Дотрчу къ месту, и наѣху едногъ простртогъ
на земли, выше нѣи пакъ са голы ножевы о-
коло другога, кои имъ е юначки противостояо.
Ратаръ садъ, као рисъ, просечесе крозь нѣи
обкольномъ, Апостоловиѣ пакъ са Строи-
момъ и Миливоіомъ нападне съ леѣа: но пу-
стаіа броемъ выше, жестоко се бранише. —
И Сретеновиѣа измами пріятно вече путовати
ноѣу, и путь га нанесе, да близу овомъ ме-
сту у тай паръ приспѣ, гди чуюѣи лупу ору-
жія, онако старъ првѣй потрчи, и гласно вик-
не: Ватренъ е бой децо! само слож-
но замномъ, и чувайте да невнногъ
когъ неосаѣатите! Апостоловиѣ чуюѣи
ово са своимъ нападне на пустаіе іоштѣ
живлѣ: пустаіе видеѣи да путникомъ све ве-
ѣа и веѣа помоѣхъ расти, уплашусе, и окре-
ну плеѣа. Садъ Миленко покажисе да си ю-
накъ! викне старѣй Сретеновиѣ, и неколико
одъ пустаіа смлату, други се разбегну. —
Ахъ моя Госпоја, помозъте нѣой! викне савъ
у ранама слуга, и клоне на Землю. А гди е?
запыта Сретеновиѣ. Одведоше ю десно уне-
ку колебу, рекне слуга, и са тымъ испусти
душу. Десно, десно децо! повикне Апосто-
ловиѣ да невиѣа душа нестрада. По мраку
съ голымъ у руцы оружіемъ еданъ другогъ
непознаваюѣи устремесе крозь шуму къ оной
страны. — Ево іѣ сестрице садъ смо погину-
ле! придржи ме, умро! — Овамо децо! по-

викне Апостоловићъ, срећа да њ нађосмо, те нису онымъ злочинцемъ у руке пале, има њ две! — Немойте се плашити приступаюћи къ њима, рекне Апостоловићъ, мысмо добри люди, никаква вреда нећете одъ насъ трпити, дигнитесе, дошлисмо по васъ, ходите съ нами.

Вратусе натрагъ колма, и ратаръ замоли све скупъ у њговой колебы приноћити, обећаваюћи имъ сваку могућну услугу. Сложусе дакле сви тамо ићи, и у сожаленію да су непознате ове Госпоже верногъ свогъ слугу изгубиле, приспеду колебы. А ха! старче, рекне еданъ одъ слугу садъ да ти быя само съ прста дужа ѣурдія, башъ бы се у оно трнь, кадъ си почео бегати, заплео — а гди су ти Бога ти гусле? Мани ме се, одговори му Гойко, ніе ми было до гусала, вальдатамо о чатлову висе, само самъ се плашио, да ме кои незвекне. — Тако ми душе добро бы коло водіо, кадъ онако преко трня перяшъ. Е момче! было е до густа, слатко е живити. Уђу по томъ у собу пре него што се свећа унесе, и Сретеновићъ у своіой туги почне уздысати. Алъ намъ е Господине Гойко брзъ, рекне еданъ одъ слугу, него ми се чини да су му ѣурдію мало подкроили. Чувайсе, да те не іднемъ, доста е већъ твога, толико се заръ треба са старымъ човекомъ титрати? Унесесе свећа, и Любисава, коя при тымъ именовъ Гойко мало се была узмутила, пад-

не предъ нѣмъ ахъ мой отаць! — моя кѣи! опеть ю доби, рекне Гойко, и одъ радости поче плакати. — — Любисава, ахъ моя Любисава! ел' можно? Гойко! ели истина? викне Строимиръ, и падне іой на прси. Строимиръ! рекне Любисава, и обнезнанисе. — — Строимиръ! Любисава! мой Строимиръ! рекне Сретеновићъ, и потрчи къ нѣма. Садъ ништа се друго по целой собы не чу, него плачь одъ радости, и речи: опростите ми децо! Строимиръ! Любисава! стриць! опростите! Сви су прочи при овой сцены као дрвени стояли, самъ Апостоловићъ, кои кадъ е Сретеновића упознао, мыслиѣи првогъ свогъ у нѣму непріятеля, уклони се на страну нѣму изъ очію. Кадъ се мало поврате невидимъ све, рекне Сретеновићъ, камо старый? онъ неће о моіой радости участія да пріими? Онъ само іоштъ едну речъ да изусти, онда бы на врѣу мое среће было. — О! онъ само кадъ бы ми опростио! гди е? зов'те га, да одъ окаяногъ злотора, пре него што се разпаднемо, последню молбу пріими — ахъ! неможе онъ мени опростити, много и премного самъ га увредіо. Кадъ га у краю угледа, клекне предъ нѣга, прости! опрости, свымъ те на свету молимъ, и приklinнѣмъ, опрости твою найвећемъ на свету непріятелю; ако ти сердце допустиги може. Ја ти се своевольно предаемо одъ данасъ у руке, чини одъ мене што ти е воля: само ако можешъ, опрости ми погрешке, да спо-

койно на другій светъ поѣмъ. — Іа ти и уи-
ме покойне мое верне супруге, рекне вели-
кодушный Апостоловићъ, кою си ты у гробъ
оправіо, праштамъ: само те то едно молимъ,
да ме неодаешъ, да могу баремъ мирно, и
безъ бриге седе дане у моіой сиротинѣи са сы-
номъ провести. — О! кадъ си ты тако вели-
кодушанъ, одговори му Сретеновићъ: не са-
мо да те одати нећу, него ти и сва твоя до-
бра, коя неправдомъ одъ тебе ото, у свой
нѣиной целости, овде предъ свыма, усту-
памъ. Управляй съ нѣима, као што си и пре:
и заклинѣмъ ти се, даћу кодъ суда све мое
зле поступке признати, казаћу да самъ на те-
бе све изъ злобе, и зависти лагао; да самъ те
надъ гробъ быо довео, — живи одъ данасъ на
твоіой добры, учинићу, да се за животъ одъ
садъ неплашишь. Са сыномъ рече живићешъ?
камо га, да и одъ нѣга опроштена молимъ?
Миливой приступи, и благодари Сретеновићу
на толикой доброты, найвыше пакъ, што се
обвезуе животъ оца свогъ обезбѣдити. Апосто-
ливићъ са свымъ зачућенъ, да тако на едан-
путъ Сретеновића суровый духъ у благу и ти-
ху наравъ прама нѣга се премени. — Іоштъ
одно рекне Сретеновићъ пакъ онда спокойно
умиремъ, іоштъ одну ти радость являмъ: Хо-
ди Любисаво! ходи дете мое! имашли ты так-
во сердце, да найвећемъ на свету твоѣмъ зло-
твору опростишь? Любисава обори очи, и за-
руменисе: сви други стояше укочени, нез-

ниюћи каква ће имъ се садъ тайна открити. Сретеновићъ узме Любисаву за руку, и доведе ю предъ Апостоловића: Ево ти, рекне му покланямъ твою собствену крвь, твое чисте са верномъ твоіомъ супругомъ Милицомъ другій любви плодъ! приими одъ мене кѣрь! Любисаво приступи рођеномъ отцу, Гойко ти е само воспитатель, загрли (казуюћи на Миливою) рођеногъ брата, кои е на одной утробы съ тобомъ лежао; мене одбацйте, мене презирите, висте садъ срећни: я морамъ одъ васъ бегати, само опростите ми, я ѣху у пустыњи за грѣхе мое се каяти (зацени се, и одъ якогъ Ецаня умукне) О! какве радости, каквогъ веселя! када Гойко препове-ди, како е, и гди е Любисаву добію, покаже и прстенъ, когъ е на повою нашао, и са тымъ увери старогъ Апостоловића іоштъ већма. — Садъ ништа друго у целой колебы нечусе, но само плачь и ецанъ одъ радости, и речи: Отаць мой! братъ! кѣи! сестра! и по многима радости проплаканимъ вузама у наручію оца и брата, гди е мой Строимиръ, рекне Любисава, онъ се о моіой радости новесели? Строимиръ клекне предъ Апостоловића: смемли васъ и я оцемъ назвати, можетели и мене за сына приимити? Любисава даде ми безъ вашегъ знаня, и волю руку свою и сердце. — Ахъ онъ е мой! падне му Любисава на прси, онъ е отаць на вѣки мой! мой е Строимиръ! — Апостоловићъ приступи къ нѣима, склопи

имъ руке, и презове Сретеновића, кои е скоро изванъ себе было: ходи! — нека и найманя искра наше злобе и неприѣтельства одъ данасъ међъ нами изчезне, некъ се збогъ чисте любви деце, мрзость међъ нами искорени, никаква зла мысль да намъ се одъ сада у сердце залеже — ходи! (полюбисе съ нѣмъ) да децы очинскогъ благослова дамо. Богъ нека васъ благослови децо! рекне Сретеновићъ, вы мене свѣю мой брига опростите, вы ми совѣсть мою мало утишасте, вы ми дадoste старогъ могъ прѣтеля натрагъ, Богъ нека благодать свою на васъ изліе! И Апостоловићъ да имъ свой благословъ. — Проведу потомъ ову ноћъ у радостнымъ и веселымъ разговору, и Любисава на зактеванъ Строимирово, куда се изъ оны развалина дела, почне преповедити. „Ја самъ, рече, кадъ си ти са „онимъ страннымъ у зидине се отискао сама „у оной собицы остала, слуге были се мало „размакли, и я зачуемъ съ поля гласъ Любисаво! учини ми се, да си ме ты зовнуо, и „полетимъ на полъ: но сасвымъ противно, о „пазимъ Албанеза, и почнемъ вискати, онъ „ме бацы на коня, и слуге, кои су ми на по „моћъ трчали, обезглави, на то изтрчи, мо „рао е онай странный бити (онай Странный „есть, было е овай истый рожденный твой братъ „Миливой, ступи іой Строимиръ у речъ) ясамъ „пакъ у оной буны мыслила, да си ты, са го „лымъ ножемъ изъ зидина, на кога Албанезъ

„оштро опали, и видеѣи га у траву падати,
 „са осветомъ да ти е већъ еданъ путъ главе
 „дошао, однесе ме: но тай истый данъ у пу-
 „ту нападну на насъ, я добиѣмъ прилику, и
 „измакнемсе, онъ пакъ, како што е заслужио,
 „тамо и душу испусти. Наиђе после на скоро
 „Елена, и на мою молбу пріими ме, и прихва-
 „ти ме се, као свое рођене сестре, и садъ
 „смо на путу были поѣи у Етолию; будуѣи да
 „самъ за оца Гойка чула, да е у светъ зажму-
 „рио; а тебе самъ за цело одъ оно доба за
 „мртвогъ у травы држала. Ту ти е накратко
 „све мое, што самъ, одъ часа нашегъ растан-
 „ка поднела”. По дужимъ тако разговору и зо-
 ра заплави, и данъ имъ се одвећъ красанъ
 укаже: опростусе дакле са домаѣиномъ и
 благодару му, да су у нъговой куѣи сви среѣ-
 ни постали, и окренусе сви скупа на добра
 Сретеновиѣа.—

Сретеновиѣъ остане при речи, обезбѣди
 предъ судомъ старогъ Апостоловиѣа, и усту-
 пи му у свой целости нъгова добра. Заклучу
 садъ, макаръ да су Строимиръ и Любисава
 еданпутъ законно већъ венчани и были, на но-
 во торжествовати. Сретеновиѣъ опоменесе
 свой горки дана, и призове истога, кои му
 се пре, да е селянку за снаю добио, подсме-
 вао, благороднога сакѣр’ю на веселъ: и она
 на молбу Сретеновиѣа буде при другимъ о-
 вымъ торжеству нашої невести еиѣбула. Но
 како свию удивленіе нарасти, кадъ и Елена—

кою е о свему у Етолиі Миливой было известіо, и коя е веѣкъ намыслила была добра своя у Етолиі преко надзирателя управляти дати: а она пакъ у Сербіи кодъ Любезне свое друга-рице живити остати — Кадъ и она предъ светымъ олтаромъ руку свою Миливою да, и вечиту вѣрность и любовь обеѣа. —

По совершенымъ венчаню у целомъ дому ништа друго царовало ніе само радость, и весель. Гди намъ е Гойко? рекне Сретеновиѣ, дедъ садъ испуни желю! поведи коло, или намъ штогодъ попевай! Хоѣу Господине одну, рекне Гойко, само докъ наздравимъ. Да, да ступи му благородный у речъ, треба найпре писакъ поквасити: а валь да ты изъ тогъ узрока свакій часъ и летишь на полъ: — есил' штогодъ могао наопутати? Господине Куварице су радостне, и веселе, башъ као да свое сынове жену. Та дедъ! дедъ Гойко, рекне Апостоловиѣ, шта си обеѣао, незаговарай много, кѣрь данасъ удаешъ. Но опеть! дайте ми мира, докъ испіемъ — охъ ала то бы слатко! — Она е ваша кѣи Господине: а я се у томъ радовати могу, да ми е Богъ ту среѣу дао, ню наѣи, и одранити, она ми е свагда радо волю чинила; а не сумнямсе да ѣе ми и данасъ кадъ е тако среѣна постала, молбу мою одреѣи: песме су мое одвеѣъ просте, онаѣе — оѣешли кѣери у место мене одну? Любисава обори очи: но, я и тако да-

насъ найсреѣнїй данъ мога живота броимъ
рекне Сретеновићъ, и почне:

Радость сва ми чувства дира
Туга изчезава,
Одъ данасъ љу имат' мира
И веселя права.
Зависть одъ садъ, церна злобо,
Клевете у горе!
Ил' данашня благо судбо
Стопи ѿ у море.
Прїатель ми мой младости
Опранта погрешке,
Съ нѣимъ проводимъ у старости
Живота остатке.
Одъ садъ ље ми животъ быти
До садъ самъ блудіо,
Одъ данасъ љу мирно спити
До садъ самъ тужіо.
Весел'мо се содржество
Млога зла трписмо,
Владаћ' међъ намъ задовольство
Мы зла побѣдисмо!

По совершеннымъ веселю сви скупа у
дому Сретеновића, као одъ едне матере ро-
ђени, свое остале дане у любви и прїатель-
ству поживу. Сваке су године понеколико пу-
тїй гробъ покойне Милице походили, и най-
вышше е Сретеновићъ старый суза на нѣму
проливао. У najveћемъ задовольству стари
доживу залогѣ чисте любви свое деце. Само
любовь, радость, весель и задовольство ца-
ровало е по целомъ дому: суровый Сретено-

вића духъ прама свои поданника и млађи из-
чезну; поступао е съ њима, као са својомъ
децомъ, и они су га као оца любили. Любовь
и почита ње прама свој старји владало е у
прсима кодъ два сређна пара, и тако про-
цвѣтаю на ново две фаміліе, кое су дуго вре-
ме у највећемъ непріятельству живиле. Апо-
столовићъ и Сретеновићъ у округу, пуномъ
любви, кодъ своји млађи спокойно, и задо-
вольно последний часъ живота дочекаю. — —
— О! кадъ бы тако данашњи дана фаміліе
међу собомъ сложно, и у любви живиле, ла-
сно бы се небесномъ раю земля сравнити мо-
гла!!!

